

Физрук 3

Назад в СССР

Рафаэль Дамиров
Валерий Гуров
Физрук 3: Назад в СССР
Серия «Физрук», книга 3

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70402066

Аннотация

Я был успешным предпринимателем, но погиб от рук конкурентов. Судьба подкинула подлянку – я не отправился «на покой», а попал в прошлое. Душа вселилась в выпускника пединститута. На дворе 1980 год, а я простой физрук в советской школе, который должен отработать целых три года по распределению.

Биологичка положила на меня глаз, завуч решила сжить со свету, а директор-фронтоник повесил на меня классное руководство. Где я и где педагогика?! Ничего, прорвемся...

Вот только класс мне достался экспериментальный – из хулиганов и второгодников, а на носу городская спартакиада. Как из малолетних мерзавцев сколотить команду?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	17
Глава 3	31
Глава 4	45
Глава 5	58
Глава 6	69
Глава 7	82
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Рафаэль Дамиров, Валерий Гуров Физрук-3

Глава 1

Вот из таких моментов и складывается наша жизнь. Успех в одном оборачивается проблемами в другом. Так во время банкета по поводу успешно снятого фильма, я узнал, что капитан Киреев все-таки докопался до меня. Конечно, сам по себе факт того, что подписи в паспорте и протоколе сделаны разными людьми ни о чем не говорит. Доказать, что получавший паспорт комсомолец Данилов и подмахнувший протокол допроса физрук Данилов – это совершенно разные люди практически невозможно.

Тем более, это не рогоносца Сильвы ума дело. Ведь я не беглый преступник, живущий по поддельным документам. А вот КГБ мною заинтересоваться может. И если это произойдет, заступничество Маринки Михайловой мне не поможет. Вряд ли ее папаша полковник упустит случай разоблачить иностранного шпиона. А если начнут тягать меня, то потянут и всех моих друзей, да и Илгу – тоже. Другой вопрос, что топорные действия Сильвестра Индустриевича испорти-

ли госбезопасникам всю игру.

Какой смысл брать потенциального шпиона лишь по одному, к тому же мало объяснимому подозрению — хватать надо с поличным, во время непосредственного занятия шпионской деятельностью. Как бы то ни было, нервы мне могли попортить. Хуже того, разрушить все, чего я успел достичь. Могут запретить секции, а также — прикрыть затею с детской киностудией. Сочтут ее идеологически вредной и — ба-ста. Самое смешное, что я не просто не виноват, а не виноват в кубе. Как не виноват человек в том, что родился. Беда только, что этого никому не объяснишь.

В понедельник я снова появился в кабинете следователя из ОБХСС. Вид у Сильвестра Индустриевича был торжествующий. Он словно уже схватил самого общественно опасного преступника в своей жизни. Когда я уселся напротив него, капитан предъявил мне заключение экспертизы. Из него следовало, что особенности почерка, нажим, наклон и прочее свидетельствуют о том, что выполнены исследуемые подписи разными лицами. Правда, что из этого следует, в заключении, само собой, сказано не было. И я осведомился у следака:

— И что из этого следует, гражданин капитан?

— Из этого следует, что паспорт этот не ваш, гражданин Данилов.

Интересно, на что он рассчитывал? Что я закрою лицо руками и слезы раскаяния хлынут у меня между пальцев? *При-*

знаю, гражданин следователь, не моя эта ксива, на малине смастрячили, зуб даю!.. Не на того напал. Во-первых, каяться мне было не в чем, во-вторых, паспорт мой, и доказать это, я полагаю, труда не составит. Ведь душеведческую экспертизу еще делать не научились, и никакой психиатр не скажет, что тело принадлежит Данилову А.С., а душа – Данилову В.Ю., которому сейчас и пятнадцати лет еще не стукнуло.

– То есть, вы хотите сказать, что я воспользовался чужим паспортом, вклеив в него свое фото? – спросил я.

– Не стану обманывать вас, – любуясь своим благородством произнес Киреев, – убедительной версии того, каким образом вы воспользовались чужим паспортом, у меня пока нет, но я работаю над этим.

Он думал, что меня этим проймет, но не тут-то было.

– Сфотографируйте меня, – предложил я, – и пусть ваши эксперты сравнят снимок в паспорте с новыми фото. Кроме того, их можно показать людям, которые меня знают. Ну или – даже устроить опознание. В конце концов – в Тюмени живет моя родная мать. Попросите своих тамошних коллег взять у нее мои фотографии... И уж, если я не сумел убедительно подделать свою подпись, то лицо – тем более не сумел бы!

– Ну почему не сумели бы, – проговорил Сильвестр Индустриевич, которого мне, похоже, не удалось сбить с панталыку. – Вы могли изменить внешность путем пластической операции, например...

– Полагаю, что и этот факт могут установить эксперты – наличие специфических шрамов или что-то в этом роде...

– Не беспокойтесь, гражданин Данилов, все необходимые экспертизы будут проведены.

– Могу я вам задать один вопрос, гражданин капитан?

– Задавайте, – милостиво кивнул тот.

– В чем вы меня, собственно, подозреваете?

– Пока только в соучастии в преступлениях, совершенных вашим школьным приятелем Стропилиным, а в каких именно – в интересах следствия сообщать не имею права.

– Кстати, а Стропилин-то должен знать, тот ли я человек, за которого себя выдаю или нет?

– Если он ваш сообщник, то какой ему смысл разоблачать вас?

– Надеюсь, мою мать вы в сообщницы не запишите?

Черт меня дернул за язык! Я ведь забыл, что не знаю, как зовут маму Санька. То самое письмо, которое я написал ей месяц назад, так до сих пор и валялось у меня в кармане, не отправленное. Вот сейчас этот рогоносец потребует от меня ее контактные данные, и я пропал. Человек может многое забыть, но только не фамилию, имя и отчество своей родительницы. Как только я начну мямлить и изображать амнезию, капитан сразу получит дополнительные аргументы к своей версии.

Мне повезло.

– Мы проверяем любые версии, – раздуваясь от важности,

проговорил Киреев. – В том числе и причастность Пелагеи Ивановны Даниловой, главного бухгалтера магазина «Детский мир», расположенного в городе Тюмени, на улице Первомайская в доме номер пять, к вашему делу.

Уф... Этот надутый индюк и сам не подозревает, как он меня выручил. Теперь я хотя бы знаю, как зовут маму Шурика Данилова и даже – где и кем она работает. И то хлеб!

– Иными словами, как свидетельницу в мою пользу, вы мою маму исключаете?

– Вопросы здесь задаю я, гражданин Данилов! – вызвелился следак. – На этом допрос прекращается. И коль уж вы сами настаиваете, сейчас вы будете сфотографированы для проведения дальнейшей экспертизы.

Мне пришлось снова расписаться в протоколе «чужим» почерком, и капитан проводил меня в кримотдел отдел, где меня не только сфоткали, но и взяли кровь на анализ и другие образцы биоматериала. Их отобрал фельдшер, выдернутый из трезвяка. Жаль, что в 1980-х еще не существовало генетический экспертизы, которая бы установила, что я и тот Данилов, что получал паспорт – одно и то же существо. Однако и в эти годы экспертиза была на высоте, так что на нее вся надежда.

После этого посещения УВД, меня долго никто не беспокоил, а я старался не думать о рога носце Сильве и зубе, который он на меня точит. Дела в школе и спортобществе шли неплохо. Команда по самбо, которую я готовил к город-

ской спартакиаде, показывала удовлетворительные результаты. Пацаны уже не просто старались, они почувствовали вкус к этому виду спорта, что не могло не радовать. Так называемые секции по карате, которые я вел в «Литейщике», по-прежнему напоминали цирк-шапито, в котором детишки выступали в качестве клоунов, а их родители – зрителей.

Тем не менее, я старался, чтобы и у этих моих юных воспитанников хоть что-нибудь получалось. Нельзя же получать зарплату просто так! Спасибо книжке, которую мне подарил Кеша, я не только перевел из нее описания стоек, блоков и ударов, но и перерисовал иллюстрации на большие листы ватмана, превратив их в учебные пособия. Разумеется, я не только учил, но и учился, сам себе устраивая регулярные тренировки. Это в первые дни я пустился во все тяжкие, рискуя потерять физическую форму, которая могла мне еще пригодиться, теперь же такую роскошь, как пьянки с приятелями и обжорства я себе позволить не мог.

Я настолько погрузился в преподавание и физическую самоподготовку, что практически забросил творческие дела. Теперь делами детской киностудии занимался в основном Карл с помощью Жени Красильниковой. И это было хорошо. Если со мною что-нибудь случится, студию уже никто не станет связывать с моим именем. Впрочем, это не означает, что я себя списал со счетов. Наоборот, я собирался отстаивать свое право на существование в теле Александра Сергеевича Данилова, раз уж неведомые силы забросили меня в него.

Однако человек предполагает, а высшие силы располагают. И судьба моя отнюдь не исчерпала всех своих сюрпризов. На этот раз такой сюрприз поджидал меня дома. Я вернулся с работы, открыл дверь своим ключом, ввалился в прихожую. Я знал, что Илги дома быть еще не должно – в тот день у нее как раз были занятия с Кирюшей – поэтому очень удивился, с порога услышав стук кастрюль и сковородок, доносившейся с кухни, и аромат приготавливаемой жратвы.

Самое простое – предположить, что занятия отменились и жена вернулась раньше обычного, но машинально взглянув на вешалку в прихожей, я увидел совершенно незнакомую мне одежду – серое теплое пальто с меховым воротником. Пальто женское. Выходит, на моей кухне хозяйничает незнакомка? Заинтригованный, я разулся, повесил на крючок куртку и прямиком отправился на звуки и запахи. Невысокая женщина в темно-синем платье и надетом поверх него переднике, стояла ко мне спиной, но даже со спины было видно, что она уже немолода. А уж когда обернулась, то и вовсе не осталось ни малейших сомнений.

– Сашуля! – ахнула незнакомка и кинулась ко мне.

– Мама... – смущенно пробормотал я, неловко ее обнимая.

К счастью, память содержит не только зрительные образы, но и осязательные и обонятельные. Легкий запах нафталина, исходящий от одежды незнакомой женщины, прикосновение ее шершавых губ к щеке отзывались в той части души

Шурика Данилова, которая все еще жила во мне.

— Что же ты не писал?.. — пробормотала она, наконец размыкая объятия. — Я ведь даже не знала, в какую школу тебя распределили... Как уехал на свои Олимпийские игры, так от тебя ни слуху, ни духу... Только в газете о тебе и читала... Я уже хотела в милицию обратиться, но подумала: зачем тебе неприятности?..

— Прости, мама! — покаянно произнес я. — Столько всего навалилось...

— Да уж знаю! — отмахнулась она. — Я в милицию не пошла, так она сама ко мне заявила... Что ты натворил?!

— Ровным счетом — ничего, — искренне ответил я. — Так, помог несколько раз Кешке Стропину, а на него дело завели... Вот теперь и меня таскают...

— Кешке? — удивилась Пелагея Ивановна. — Боже, какой же ты у меня дурень!.. А то ты Стропина не знаешь... Он же всегда жуликом был...

— Да я думал, раз парень по комсомольской линии пошел, так значит за ум взялся...

— Нет, ты у меня какой-то малахольный, — вздохнула она. — Он как раз в комсомольские дела полез, чтобы жульничать было сподручнее... Да ты же голодный!.. Иди, умывайся, и к столу...

В ванную я шмыгнул с радостью. Мне надо было перевести дух. По крайней мере, Пелагея Ивановна подмены не заметила и это главное, так что дурацкие подозрения Силь-

вы, которому, похоже, мерещится уже целая банда, в составе комсомольского деятеля Стропилина, тюменского главбуха Даниловой и неизвестного преступника, который не только завладел паспортом сына последней, но и путем пластической операции изменил внешность, чтобы стать на него похожим, рассыплются в прах.

– Так что они от тебя хотели, мама? – спросил я, возвращаясь на кухню. – Я про милицию говорю?

– Садись-садись, – пробурчала та, ставя на стол сковородку с жареной картошкой и тарелку с котлетами. – Ешь... Да и я с тобой заодно... Такое на голодный желудок, что рассказывать, что слушать – одинаково вредно...

Я уселся за стол, и Пелагея Ивановна наполнила мою тарелку картошкой с горкой и плюхнула сверху котлету. Себе она положила куда меньше. Я с удовольствием вонзил в эту, исходящую ароматным паром, грудку еды вилку и мигом умял половину порции. Мама Шурика клевала потихоньку, как птичка. Когда я опустошил тарелку, она вынула из духовки мясной пирог, нарезала его широкими ломтями и налила мне полную кружку чая. Я наблюдал за этой женщиной с искренним любопытством. Мне хотелось научиться ее понимать.

– Приходит ко мне Евтихьев, – начала она свое повествование, – участковый наш... Говорит, запрос пришел, Ивановна, из города Литейска, просят фотографии твоего Шурика... Я обмерла со страху... Думаю, беда с тобой случилась

какая-то... А участковый мне говорит: успокойся, жив-здоров твой спортсмен, в двадцать второй литейской школе работает... Я охолонула немного, спрашиваю, в чем дело тогда? А он – не знаю, мне не докладывали... Ну я ему фотографии кое-какие твои дала, с требованием чтоб вернул, а сама звоню Сидоркиной – директрисе нашей, говорю, хочу отпуск за свой счет взять, сына повидать, беда у него какая-то... Она баба отзывчивая, говорит, бери очередной оплачиваемый, ты меня в прошлом году выручала... Ну вот я и приехала...

– А как ты дом наш нашла?

– Адрес мне еще Евтихьев дал, а уж тут в городе добрые люди подсказали...

– А в квартиру как попала?

– Так сожительница твоя открыла, Илга...

– Она разве дома была?

– Ну да, говорит, как хорошо, что вы меня застали, Пелагея Ивановна, а то я уже убежать собралась... И что это дома вам не сидится?..

– Работы много, мама... Я ведь тоже к восьми убегу. Секция у меня по самбо...

– Ну хоть ночью-то вы дома спите?

– Дома.

– И то хорошо... – вздохнула она. – А она ничего, Илга твоя, хотя и из прибалтов... Я их сразу вижу... После войны в наших краях прибалтов много было, высланных... Мы их

фашистами называли...

– Ну не все же они были фашистами...

– Не все, – согласилась мама Санька. – Да только, сам понимаешь, каково нам было на них любоваться, когда у всех кого-нибудь в войну да поубивало... Деда твоего, Ивана, опять же... Правда, мы их и жалели тоже... Особенно – баб и ребятишек... Их-то за что?..

Так мы с ней и проболтали часов до семи. Пелагея Ивановна меня то расспрашивала о работе, то о себе рассказывала – я мотал на ус и думал, что надо потихоньку выведать у нее как можно больше информации о Шурике Данилове. Лихие жизненные повороты уже не раз доказывали мне, что лишнего знания не бывает. Тем более о человеке, чью жизнь ты поневоле взял взаймы, а вернуть не сможешь. К счастью, моя собеседница, подобно многим немолодым людям, без всякого понукания делилась всем, что знала.

Правда, без всякой системы, ведомая прихотливыми изгибами воспоминаний. То она рассказывала о своем универмаге «Детский мир», где осталась работать главным бухгалтером и после выхода на пенсию. Не корысти ради, просто знала, что в таком сложном финансовом хозяйстве, какое представляет собой предприятие торговли, люди с большим опытом и стажем, ох, как нужны!.. То вдруг пускалась в воспоминания о своем давно погибшем муже – отце Санька – оказывается Сергей Ростиславович провалился под лед, во время зимней, точнее – весенней уже рыбалки и вытащить не

успели, утащило течением.

Так я хоть узнал имя Шурикова отца. Рассказала Пелагея Ивановна и о какой-то соседской Милке, которая, как я понял, до сих пор сохнет по мне – то есть, по Александру свет Сергеевичу... Еще я узнал, что есть у меня дядя, Андрей Ростиславович, живет он в Москве, занимает пост в Министерстве рыбного хозяйства. Большой человек, но зазнался. Не вспоминает о своем единственном племяннике... Впрочем, вы, Даниловы, все такие – это ее слова – как покинули родное гнездо, так и носу не кажете... Это был уже упрек по моему адресу.

А вообще, с матерью Санька было приятно общаться. Забавляла ее речь – то простонародная, то вполне культурная. Все-таки Пелагея Ивановна окончила техникум и жила в большом городе, но воспитывалась в таежном поселке, поэтому и прорывался у нее сибирский говорок. Честно говоря, даже жаль стало расставаться. Утешало одно, что вечером увидимся. Я поблагодарил ее за ужин и начал собираться. Нежданная гостья вдруг перекрестила меня, когда я уже стоял одетый у двери.

На улице стояла темень. Что-то случилось с уличным освещением. Это меня не смутило. Я уже знал дорогу от дома до школы, как свои пять пальцев. Можно было пойти в обход, времени все равно хватало, но я решил двинуть через дворы. Как разница, если одинаково темно. Во дворах хоть отсветы из окон домов помогают разобрать, что под ногами.

Так я и шел, глядя под ноги и не озираясь по сторонам. И когда приблизился к школе со стороны стадиона, из полумрака вдруг выступили неясные сутулые силуэты.

– Ну чё, фраер, – подал голос один из них, – закурить не найдется?

Глава 2

– Доктор, он пришел в себя! – услышал я сквозь ватную тишину в ушах.

Голос был тонкий, девичий и доносился откуда-то изда- лека. Я открыл глаза и увидел женское лицо. Сначала только лицо – симпатичное, в обрамлении светлых кудряшек, лишь в следующее мгновение я сообразил, что они выбиваются из- под белой медицинской шапочки. Я скользнул взглядом по потолку и стенам – все белое, а стены еще и до половины выложены кафелем. Где это я?.. Женское лицо отодвинулось и вместо него появилось седоусое мужское.

– Так-ак, – пробормотал его обладатель густым басом. – Проверим зрачковый рефлекс...

Он посветил мне в глаза фонариком, я зажмурился.

– Превосходно реагирует! – обрадовался седоусый. – Пациент, вы меня слышите?

– Слышу, – буркнул я.

– Как ваше самочувствие?

Я прислушался к своим ощущениям. Голова гудела, а к горлу подкатывала тошнота.

– Мутит, – признался я. – Как с похмелья...

– Вам повезло, батенька, – сказал врач. – Можно сказать, что вы родились в рубашке. Удар, видимо, пришелся по касательной, да еще и волосы смягчили.

– Удар? – удивился я. – Какой еще удар?

– Не помните?

– Нет...

– А что помните последнее?

– Ко мне подошли в темноте трое или четверо... – начал припоминать я. – Попросили закурить...

– Вот кто-то из них вас по голове и огрел... – не дождавшись иных подробностей, сообщил седоусый. – Ну хватит воспоминаний... У вас, похоже легкое сотрясение головного мозга. Так что придется несколько дней провести в больнице. Вам показан покой.

– А как же работа?.. Жена... Мама... Они будут волноваться.

– У вас есть домашний телефон?..

– Есть, только я сейчас номера не помню...

Доктор нахмурился, и я напрягся. Еще решит, что у меня не легкое, а тяжелое сотрясение мозга.

– Но я вспомню, доктор! – поспешно пообещал я и зачем-то добавил: – Мне недавно установили телефон...

– Адрес помните?

– Адрес?.. – переспросил я. – Кажется – помню... Октябрьской революции... двадцать три, квартира тринадцать...

– Вот и замечательно! – сказал врач. – Не беспокойтесь, мы сообщим вашей семье... А пока отдыхайте...

Лицо отодвинулось. Я услышал, как доктор что-то впол-

голоса говорит девушке – видимо медсестре. Потом прозвучали шаги, раздался щелчок и стало темно. Кто же это ша-
рахнул меня по башке? И что было потом?.. Ничего не пом-
ню... Мысли мои путались, а сознание уплывало... Видимо,
я попросту уснул... Проснулся от того, что в палате снова
зажегся свет. Вошла сестра. Я увидел ее через приоткрытые
щелочки век. Девушка наклонилась надо мною, и я смог уви-
деть ее декольте... Хм, недурно...

– Как вы себя чувствуете? – спросила она.

– Неплохо, – пробормотал я. – Голова только болит...

– Сейчас я вам сделаю укол...

– Спасибо...

Медсестра обследовала локтевые сгибы, выбирая вену,
куда можно будет вколоть обезболивающее. Правая рука ей
понравилась больше левой. Она перетянула ее жгутом выше
локтя и велела:

– Поработайте кулачком!

Я принялся сжимать и разжимать пальцы.

– Зажмите кулак!

Я подчинился. Девушка стала гладить пальчиком ме-
сто сгиба, потом ловко всадила во вздувшуюся вену иглу.
Шприц в ее руке был стеклянным, многоразовым и доста-
ла она его из продолговатой металлической коробочки для
стерилизации. Сделав укол, сестричка перевязала сгиб моего
локтя, забрала коробку и вышла из палаты, погасив свет. Го-
ловная боль стала проходить, и я снова уснул. Когда я опять

проснулся, в палате было светло от того, что наступило утро. Все это время я провел на спине, отчего она затекла. Я осторожно повернулся на бок.

Теперь я мог видеть всю палату и убедиться, что кроме меня, в ней ни души. Что это? Особое внимание медперсонала или в больничке просто мало пациентов? Как бы то ни было, а валялся я в одиночестве. Башка, вроде, не болела. И тошноты я не чувствовал. Осторожно ощупал пострадавшую голову. Она был забинтована, и прикоснувшись к затылку, я ощутил резкую боль. Тем не менее, ничего ужасного с нею, похоже, не случилось. Жить буду. Вот только какая сука меня долбанула?..

Пока я себя ощупывал, в больнице началась утренняя суета. А мне захотелось по малой нужде. Я сел на кровати. Откинул одеяло и обнаружил, что в одних трусах. Интересно, кто же это меня раздевал? Неужто – эта сестричка с внушительным бюстом?.. Та-ак, а как мне идти в сортир? В одних трусах?.. В этот момент дверь открылась и в палату вошла, нет... не медсестра – толстая тетка лет шестидесяти, в белом халате и косынке, завязанной на затылке. Увидев меня, всплеснула руками и запричитала:

– Куда же это ты намылился, милоч?.. Дохтур вставать не велел.

– Что же мне под себя ходить? – возмущенно спросил я.

– Зачем – под себя... – пробурчала она. – Судно подкладное на что?.. Судно подкладное на что?..

Не церемонясь, она отодвинула меня в сторонку, наклонилась, отключив необъятный зад, вытащила из-под кровати причудливо изогнутый металлический сосуд. Сунула мне его в руки.

— Вот сюды и делай свои дела, — сказала она. — Да побыстрей... Обход начался...

Я думал она выйдет, но та принялась бродить по палате, поправлять постели на трех не занятых койках и раздергивать на окне шторы. Мне было уже невтерпеж и отвернувшись, я «сделал свои дела» в судно. Когда я закончил, санитарка отняла у меня сосуд и ушла. Голова у меня слегка кружилась и поэтому я с облегчением повалился обратно в койку. Можно было с чистой совестью подремать. Конечно, попадание в больницу в мои планы не входило, но пока от меня мало что зависит. Я думал она выйдет, но та принялась бродить по палате, поправлять постели на трех не занятых койках и раздергивать на окне шторы. Мне было уже невтерпеж и отвернувшись, я «сделал свои дела» в судно. Когда я закончил, санитарка отняла у меня сосуд и ушла. Голова у меня слегка кружилась и поэтому я с облегчением повалился обратно в койку. Можно было с чистой совестью подремать. Конечно, попадание в больницу в мои планы не входило, но пока от меня мало что зависит.

Похоже, я и в самом деле задремал, потому что когда в палату ворвалась целая толпа, я не сразу сообразил, что происходит. Среди вошедших узнал своего «дохтура» и медсест-

ру. Остальные люди в белых халатах были мне незнакомы, но интересовались они именно моей персоной. Быстро стало понятно, что главный здесь не седоусый, а моложавый высокий врач, который выслушал доклад моего «дохтура», задал пару наводящих вопросов, покивал и резко повернулся к выходу, а за ним и все остальные. Я снова остался один.

Впрочем – не долго. В коридоре прогремело что-то металлическое. Дверь палаты распахнулась и в ней появилась еще одна тетка, немногим моложе санитарки. Она внесла металлическую тарелку и блюдо с двумя кусочками белого хлеба, на которых лежало по кубику масла. Водрузив все это на тумбочку, она вышла и снова вернулась с ложкой и стаканом с бурой жидкостью. Мне доставили завтрак почти что в постель. Вот только не мешало бы умыться и почистить зубы.

И если с первым особых проблем не было – в палате имелся умывальник, то взять щетку и зубную пасту было негде. Тем не менее, я поднялся, добрел до умывальника, умылся и прополоскал рот. Когда я наклонялся над раковиной, голова моя начинала кружиться, но в целом я чувствовал себя терпимо. Я даже выскреб из металлической тарелки всю манную кашу и слопал хлеб, размазав по нему подтаявшие кусочки масла. В стакане оказался чай, сладкий, но не вкусный.

Позавтракав, я опять завалился на койку и задремал. Странное равнодушие овладело мною. Меня не волновало сейчас то, что происходит за больничными стенами. Капи-

тан Киреев с его предъявами, школьные дела, три секции, которые я на себя взвалил, затея с детской киностудией и все остальное, что вот уже третий месяц составляло мою жизнь, стали казаться не столь важными. Вряд ли это был обыкновенный эгоизм больного, которого не волнует ничего, кроме собственного здоровья, скорее всего я просто устал и жаждал отдыха. В конце концов, врач прописал мне покой.

Однако отдохнуть мне не дали. После обеда, состоявшего из жидкого овощного супчика, несоленого пюре и костлявой жареной мойвы, в палате появился невысокий, крепко сбитый мужчина, в накинутом на широкие плечи халате, под которым угадывались погоны. В руках незнакомец держал кожаную папку. Отрекомендовался он старшим лейтенантом Свиридовым, следователем УВД Приречного, то есть, нашего района. Старлея интересовало совершенное на меня нападение. В этом я ему мало чем мог помочь, ибо не видел человека меня ударившего, да и остальных – тоже, но от следователя так просто не избавишься.

– Как вы думаете, в чем заключался мотив нападения на вас? – спросил он.

– Не знаю... – пожал я плечами. – Может ограбить хотели?

– Сколько у вас было денег с собой?

– Рублей двадцать, точно не помню.

– А какие-нибудь ценные вещи?

– Часы «Слава»...

– Больше – ничего?

– Ничего.

Свиридов занес мои ответы в протокол, и сказал:

– Видите ли, когда вас привезли на машине скорой помощи, в приемном покое составили опись вещей, которые были найдены у вас. Она совпадает со списком тех вещей, о которых вы говорите.

– Может, не успели грабануть?.. – предположил я. – Спугнул кто-нибудь...

– Вполне возможно, – не стал отрицать старший лейтенант.

– А могу я спросить?

– Пожалуйста.

– Кто вызвал скорую помощь?

– Гражданка Балан из шестого дома, – ответил следователь. – Смелая женщина. Она услышала какой-то шум во дворе и не побоялась выйти на детскую площадку. И обнаружила вас, лежащего без сознания...

– Подождите! – перебил его я. – Вы хотите сказать, что меня нашли на детской площадке?

– Да... – ответил следователь, не слишком, правда, уверенно. – А что вас смущает?

– Я не помню, что было после того, как меня по башке треснули, но что было до – помню хорошо... Ко мне подошли не на детской площадке...

– А где же?

– Я был позади стадиона школы номер двадцать два, куда

шел, чтобы проводить занятия в секции по самбо.

– А-а, так вы тот самый Данилов, о котором старшина Сидоров всем уши прожужжал? – спросил Свиридов.

– Видимо – да, – проговорил я. – Во всяком случае, сын Кирилла Арсентьевича учится в моем классе.

– Тем хуже для нападавших на вас, – усмехнулся старший лейтенант. – Мы обязательно найдем этих хулиганов.

– Если только это хулиганы, – пробормотал я.

– Вы кого-то подозреваете?..

– К сожалению, нет, – вздохнул я. – Мне просто странно, что кто-то ударил меня сзади по голове... Ничего не взял, но зато тащил зачем-то до детской площадки...

– Да, это и правда не похоже на действия обычных хулиганов, – согласился Свиридов. – Ну что ж, будем искать. Выздоровливайте. До свидания!

И он удалился.

На самом деле, у меня были подозрения. Только как мне сказать милиционеру чину, что я подозреваю его коллегу, капитана Киреева из ОБХСС? В 1980-м сама мысль, что сотрудник правоохранительных органов может быть замешан в чем-то противозаконном казалась большинству граждан нелепой. А на самом деле... У рогоносца Сильвы есть мотив – месть за нанесенное ему оскорбление. Он уже предпринял довольно жалкую попытку поссорить меня с Илгой. Не вышло. Он пытался прищучить меня, припутав к делу Кеши Стропилина, и судя по затишью последнего времени, с этим

у него тоже что-то не вытанцовывается. И тогда он решил подослать ко мне головорезов?..

Додумать я не успел. Легка на помине, явилась Илга. Она тоже была в белом халате, поверх обычной одежды, а руках держала авоськи с гостинцами, одеждой и бытовыми принадлежностями. Признаться, я не был готов к ее появлению. Не в том смысле, что не ожидал, скорее – думал, что придет мама... В смысле – мать Шурика Данилова. Это было бы вполне естественно. Может, с Пелагеей Ивановной что-то случилось? Сходу спрашивать Илгу об этом я не стал. Мы обнялись и поцеловались, и она принялась выкладывать из авосек принесенное: апельсины, яблоки, печенье, умывальные принадлежности, старые треники, футболки, тапочки.

– Я поговорила с твоим лечащим врачом, – деловито сообщила Илга. – Он говорит, что еще два дня тебя понаблюдают и отпустят домой. Разумеется, с неделю еще придется побыть на больничном. В школу я уже сообщила.

– Спасибо, – сказал я. – А ты когда узнала о том, что я угодил сюда?

– Мне позвонили ночью из больницы, – ответила она.

– А мама знает?

– Да, конечно... Она очень разволновалась, пришлось даже неотложку вызвать. Сейчас лежит дома.

– Передай ей, что ничего страшного со мною не случилось.

– Обязательно передам.

– Все-таки нехорошо, что ты поздно домой возвращаешься, – проявил я заботу. – Ты же видишь, сколько всякого отребья шляется по городу...

– Обычно я вызываю такси, чтобы сразу же ехать домой.

– Откуда у тебя только деньги на это? – пробурчал я.

– Мне хорошо платят, – последовал ответ. – Родители детей с нарушениями речи готовы на все, чтобы их чада говорили правильно.

– Ясненько...

– Ты главное – не волнуйся, Саша, все будет хорошо!

Я вроде не волнуюсь. Спокоен, как раненный удав. Она поцеловала меня. Эх, если бы мы были не в больничной палате, куда могут в любой момент войти, я бы ее так просто не отпустил. Илга поняла это, поэтому мягко отстранилась и сказала:

– Я приду завтра!

И ушла. А я остался в непонятных чувствах. М-да, в таких условиях не волноваться не получится. Что скажет «дохтур»?.. По крайней мере, я мог теперь одеться и умыться по-человечески. И съесть апельсин. За последним занятием меня и застала медсестра. Она пришла измерить мне давление. Откровенно говоря, я был рад ее появлению. Очень приятная девушка, и каждое прикосновение вызывало во мне ощущения, не подобающие ушибленному на темной улице пациенту. А уж грудь у нее была выше всяких похвал!

– Простите, сестричка, как вас зовут?

– Наташа, – с улыбкой ответила она.

– Очень приятно.

– Взаимно...

– Я смотрю, вы и ночью дежурили и сейчас тоже на работе...

– Я на сутках.

– Значит, вечером вы уйдете?

– Да, сменюсь...

– Очень жаль...

– Почему же?

– Ну вы такая красивая девушка и уколы делаете божественно...

– Моя сменщица – не хуже...

– Да я верю, но...

– Больной! – строго произнесла Наташа. – Вам вредно волноваться!

– Да как же тут не волноваться! – воскликнул я. – Если такая девушка вечером меня покинет!

– Ох, уж эти мужчины... – вздохнула медсестра. – Женатые, неженатые... Все одинаковые... Я вам номер своего телефона оставлю. Выпишитесь – позвоните... А то ведь вы только здесь все такие ласковые, а как только за порог, от вас ни слуху, ни духу...

– Я позвоню, – пообещал я.

Наташа вынула из кармашка блокнотик и ручку, написала несколько цифр, оторвала листочек и положила его на тум-

бочку.

– Номер я вам написала, – сказала она. – А имя – нет. Если забудете, значит, не судьба, а так ваша жена не станет лишний раз переживать...

И тоже ушла. Признаться, мне не было ни капельки стыдно. Да, я искренне считал, что после того, как мы с Илгой стали жить вместе, ни одной женщины у меня больше не будет, но ведь я и не собираюсь ей изменять. А номерок взял просто, на всякий случай. Вдруг мне потребуются услуги медсестры, которая столь изумительно безболезненно делает уколы!.. Особенно, если за мною и впрямь охотится Сильвестр Индустриевич... И все-таки, кто меня шарахнул по башке?.. И зачем?

И ведь, сука, подкрался сзади совершенно бесшумно!.. Услышь я хотя бы шорох, не стал бы ждать покуда меня треснут... И как треснули!.. Отключили сразу, но при этом не убили и даже не нанесли слишком уж тяжкого вреда здоровью. Для обычных уличных хулиганов слишком высокий класс работы... Нет, тут наверняка действовал профессионал... Вот только в чем заключался смысл этой акции?..

У меня родились две версии – первая изощренная месть рогоносца Сильвы, вторая – это действовали те, у кого Кеша взял диски на реализацию... Взял-то он, а ОБХСС изъяла их из моей комнаты... Решили наказать?.. Но какой смысл наказания, если наказанный и не догадывается об этом?.. Могли бы сказать, а потом всласть отметить, чтобы впредь не

кидал серьезных людей... А может, они боялись меня?... Ведь в городе я слышу каратистом... Что ж, похоже на правду... Как бы то ни было, я чувствовал, что на вчерашнем нападении история не закончилась.

В палату заглянула давешняя нянечка.

– Тут к тебе опять девка какая-то, – сообщила она. – Пущать?

Глава 3

– Какая еще девка? – удивился я.

– Тебе виднее... – пробурчала нянечка. – Так пущать?

– Пущайте! – кивнул я.

Кто бы это мог быть? Если – «девка», значит, еще молодая, не Пелагея Ивановна, не Аграфена Юльевна. Кроме Илги, которая уже была, это может быть и Тигра и Женя Красильникова и Маша со швейной фабрики и даже – Маринка... Дверь палаты открылась и вошла... Симочка! Вот уж не ждал... Она была в халатике, как и прочие посетители, с авоськой, набитой какими-то свертками. Глядя на меня округлившимися глазками, Егорова просеменила к моей койке и... вдруг разрыдалась.

Цена ее слезам мне известна, но сердце у меня не камень, поэтому, поднявшись с койки, я погладил ее по голове.

– Ну, чего ты?.. – спросил я. – Как видишь – жив я, и даже не слишком ранен.

– Я такая дура, – пробормотала она. – Прости меня, пожалуйста, Саня...

– Давно простил, – сказал я. – С чего ты вдруг вспомнила?.. Тебе больше нравился наш военрук, ну так это нормально... Каждый выбирает по себе...

– Да я не об этом... – отмахнулась посетительница. – Я – за вчерашнее...

– То есть?! – опешил я. – Это ты меня ударила?!

– Не-е-ет, – прохныкала она, – не я-я-я...

– Ну тогда причем тут ты?!

Серафима Терентьевна вынула из дамской сумочки носовой платок, вытерла слезы, высморкалась и проговорила:

– Это все Славка, мой жених... Он жутко ревнивый... Ну и подговорил дружков, чтобы они... Ну проучили тебя...

– То есть, у этого твоего Славки кишка тонка, поговорить со мною по-мужски, так он дружков подослал?..

– Он не знал, что они тебя ударят по голове...

– Слушай, Егорова... – устало проговорил я. – Шла бы ты отсюда...

– Я сейчас уйду, – пообещала та. – Я вот тебе домашних пирожков принесла, колбаски...

– Забирай свои пирожки с колбасками и проваливай! – потребовал я. – А если хочешь, чтобы я не сдал милиции твоего Славика, скажи ему, пусть завтра сюда придет. Я с ним поговорю... Да не дрожи, не буду я его бить...

– Хорошо, я ему скажу... – повеселела Серафима Терентьевна. – Только не надо в милицию, пожалуйста!..

– Ты меня слышала!.. Или Славик твой придет завтра или пойдет по уголовке, как организатор преступления...

Прихватив авоську, Симочка пулей выскочила из палаты. Я не сомневался, что ее Славик завтра припрется, как миленький. Я не собирался его сдавать, но мне очень хотелось повидаться с его дружками и выяснить, кто из них долбанул

меня по башке? Нельзя такие дела спускать, да и за ментов прятаться – тоже. С волками жить, по волчьи выть. И местная шпана должна знать, что с физруком из двадцать второй школы шутки плохи... Еще не хватало, чтобы всякие хлюпки подсылали ко мне гопоту!..

Больше в этот день посетителей не было. Я не стал позориться с судом, сходил в сортир самостоятельно. Сlopал ужин, который состоял из пюре, небольшой котлетки и стакана какао с печеньем. Вечерком прибежал мой лечащий врач, которого зовут Олег Борисович. Расспросил о моем самочувствии, похвалил за бодрый вид, но велел больше лежать. Перед отбоем заглянула медсестра, но не на Наташа, а – Вера, худая, высокая брюнетка. Она спросила – нужен ли мне укол обезболивающего? Я отказался. Чувствовал я себя и впрямь неплохо. Так иногда голова кружилась, но жизнь снова заиграла интересными красками.

Ночь я проспал, как убитый. Рано утром вошла Вера, измерила мне давление, дала какие-то таблетки. Потом приперлась нянька, делать уборку. Затем был завтрак. После него – обход. Олег Борисович сказал завотделением, что сегодня за мною еще понаблюдают и если не возникнет осложнений, завтра утром меня выпишут. Молодой заведующий величественно кивнул. Когда обход закончился, пошли посетители. Как я и думал, первым приперся Симочкин хахаль.

Кто-то поцарапался в дверь. Я громко разрешил войти. Белая створка приоткрылась и в щелочке показалась очка-

стая и прыщавая физиономия незнакомого парня, лет восемнадцати. Я, конечно, сразу понял, кто это.

– Можно войти?

– Входи-входи, Славик, – милостиво разрешил я.

Он просочился целиком, что с его телосложением было не трудно. Натуральный дрищ. Руки, ноги тонкие, будто палки. Свитер и штанцы болтаются, как на вешалке. Очки то и дело сползают с курного шнобеля. Понятно, почему этот Отелло сам не рискнул на меня рыпнуться... Ну сейчас я из него фаршмак сделаю. Я нахмурился и жестом велел ему приблизиться. У Славика затряслись губы, он короткими шажками стал подбираться к тому месту, на которое я ему указал.

– Как зовут? – спросил я.

– С-славик... – проямлил он.

– С-славик, – передразнил я его. – Ты мужик или сопляк из детсада?.. Как по-человечески тебя кличут?

– Мирослав...

– Хорошее имя, – одобрил я. – Особенно, в качестве отчества... Как только твоего сынка не станут величать – и Мирославовичем и Милославовичем...

Славик совсем поник. Я понимал, что поступаю не педагогично, но ведь педагогика тоже разной бывает. Иной раз и по рылу можно съелозить. Так что моральное унижение не самый негуманный метод для таких уродов.

– Что же ты, Мирослав, ко мне сам не подошел, если имеешь что предъявить?..

– Я... У меня... к вам нет претензий, – заблеял он. – Это все Серафима... Понимаете, она надо мною смеется... Говорит, что к физруку опять уйдет, если я...

– Если ты – что?

– Ну-у... не объясню вам, что вы должны оставить ее в покое...

Я аж обомлел от такой наглости.

– Это я-то ее должен оставить в покое?!

– Она говорит, что вы... проходу ей не даете...

– А кто ей еще проходу не дает, она тебе говорила?..

Парень уставился на меня ошарашенно и выдавил:

– Н-нет...

– А ты ее пораспроси, скольким еще дуракам, вроде тебя, она одновременно мозги пудрит!

Славик обреченно кивнул и повернулся к выходу.

– Э-э, нет! – окликнул я его. – Мы еще не закончили.

Он обреченно кивнул и снова повернулся ко мне.

– В школе тебя, наверное, не учили, что подговаривать других избить твоего соперника это нехорошо, – тихо, почти ласково начал я. – Если хочешь почувствовать, насколько это плохо, я могу тебе показать... – Он затрясся. – Ну да ладно, Мирослав, я слабых не бью, но в знак благодарности, ты назовешь мне имена и адреса своих дружбанов, которых на меня натравил.

– Я на вас никого не натравливал, – еле слышно прошептал он.

– Это ты брось! – прикрикнул я. – Нечего мне тут вола крутить!.. Адреса, имена, кликухи?!

– Вернее – не я сам, – поправился Славик. – Он меня заставил...

Чем дальше в лес, тем толще партизаны...

– Кто он?! – рывкнул я. – Имя на бочку!

– Я не могу сказать, – прохныкал тот. – Боюсь...

Я понял, что еще немного и он оправдывает отчество своего будущего сына. Если тот у него будет. Поэтому я не стал на него давить, а пошел другим путем.

– В хреновую историю ты вляпался, Мирослав, – озабоченно проговорил я. – Получается, что ты соучастник преступления, может быть даже член банды... Понятно, почему ты боишься выдать ее главаря... Тот прикажет и твои же подельники тебя на ремешки порежут...

Реакция нового Симочкиного хахаля стала для меня совершенной неожиданностью. Он вдруг радостно улыбнулся и заявил:

– Ну что вы! Какая там банда... Разве может милиционер руководить бандой!

– Милиционер? – переспросил я. – Какой еще – милиционер?!

– Я не знаю, – ответил Славик. – Он не представился... Сказал, что в интересах проводимого следствия нужно, чтобы хулиганы напали на вас... Их задержат в момент нападения... Ну я и обратился к пацанам с нашего двора... У нас

трое уже отсидели по малолетке... Говорю, надо проучить одного мужика, он у меня девушку отбивает... А потом, я вам проставлюсь... Я же думал, их задержат... А они вчера меня подловили и говорят, проставляйся... Пришлось всю степуху потратить... А тут еще Сима мне говорит, физрук в больницу угодил, его твои дружки по голове ударили и он грозит в милицию на тебя подать заявление... Ну я и испугался. Думаю, раз пацанов не задержали, значит, что-то не так пошло. И теперь на меня могут свалить нанесение тяжких телесных повреждений...

– погоди! – прервал я его скороговорку. – Тебя этот мент попросил, чтобы ты на меня дружбанов дворовых натравил, дескать, это в интересах следствия, так?..

– Да.

– А почему – именно тебя?

– Не знаю... Я из техникума домой шел... Подходит ко мне мужик, корочки красные показывает и говорит: «Гражданин Гроздин, Мирослав Владиславович?». Я ему: «Да! А в чем дело?». Он: «Органам требуется ваша помощь!» Ну я, конечно, согласился. И он мне все это, насчет нападения хулиганов, и выложил... *Гражданин Гроздин, Мирослав Владиславович?* – Не знаю... Я из техникума домой шел... Подходит ко мне мужик, корочки красные показывает и говорит: «Гражданин Гроздин, Мирослав Владиславович?». Я ему: «Да! А в чем дело?». Он: «Органам требуется ваша помощь!» Ну я, конечно, согласился. И он мне все это, насчет

нападения хулиганов, и выложил... *Да! А в чем дело?* – Не знаю... Я из техникума домой шел... Подходит ко мне мужик, корочки красные показывает и говорит: «Гражданин Гроздин, Мирослав Владиславович?». Я ему: «Да! А в чем дело?». Он: «Органам требуется ваша помощь!» Ну я, конечно, согласился. И он мне все это, насчет нападения хулиганов, и выложил... *Органам требуется ваша помощь!* – Не знаю... Я из техникума домой шел... Подходит ко мне мужик, корочки красные показывает и говорит: «Гражданин Гроздин, Мирослав Владиславович?». Я ему: «Да! А в чем дело?». Он: «Органам требуется ваша помощь!» Ну я, конечно, согласился. И он мне все это, насчет нападения хулиганов, и выложил...

– А Симочка тут при чем?

– Ну-у... – понурился «гражданин Гроздин». – Я похвастаться хотел, что вот какой человек ко мне за помощью обратился...

– А она что?

– Ну она говорит, что правильно, пусть хотя бы твои дружки этого физрука немного проучат, а то он мне проходу не дает...

Вот же тварь!

– А мужик этот, с корочками, небольшого роста, с залысинами? – уточнил я.

– Ну да, – кивнул Мирослав, – он такой... такой...

– Плюгавенький, да? – подсказал я.

– Да, похоже...

– Так как дружков, говоришь зовут?

– Ну они же не виноваты... – заканючил он.

– Ни хрена-се, не виноваты!.. А если бы они мне черепушку проломили?..

– Только вы не говорите, что это я навел...

– Не ссы, С-славик...

– Фимка Хромов, кликуха Фомка, Колька Борзиков, он же Борзой и Пашка Саранский, по кличке Сарай, – перечислил Гроздин.

– Адреса?

– Да они все в нашем доме живут, на Заречной десять...

– Ладно, Мирослав, – сказал я. – Можешь быть свободен. Держи язык за зубами, и никому о нашем разговоре. Тем более – Симочке... И вообще, мой добрый совет – держись от нее подальше, пока она тебя до беды не довела...

– Спасибо! – пробормотал тот. – До свидания!

– Покедова!

Я снова остался один. Мне было о чем подумать. Неужто все-таки Киреев?.. Взять все и рассказать старлею Свиридову. Пусть допросит этого Гроздина, Мирослава Владиславовича... Пощупает Фомку, Борзого и Сарая... А там, глядишь, и до этого оборотня в погонах, капитана Киреева доберется... Должна же быть в МВД служба собственной безопасности!.. Хотя нет, она в девяностых появится, а сейчас за личным составом бдят кадровые подразделения и зампо-

литы.

Как законопослушный гражданин, я обязан так поступить... Однако кое-что следует уточнить... И я решил, что уточню сразу, как только оклемаюсь. Имена, кликухи и адрес у меня есть. Остальное – дело педагогической техники.

После обеда пришла Пелагея Ивановна. Ей я обрадовался, как никому другому из посетителей. Даже больше, чем Илге. Мама Шурика не стала лить слезы и жалобно причитать. Она лишь вздыхала и пичкала меня домашними вкусностями. Так что я почувствовал, что больничный ужин точно пропущу. Пелагея Ивановна обрадовалась известию о моей завтрашней выписке и пообещала заехать за мною на такси. Что ж, меня такой вариант вполне устраивал. Пусть проявит заботу о сыне, я не против.

Едва ушла мама Санька, как посетители повалили скопом. Сначала пришли Карл и Витек, а следом – делегация от учащихся 22-й школы: Красильников, Зимин, Сидоров, Кривцов и Абрикосов. В палате стало шумно. Вся эта компания не столько расспрашивала меня о происшествии и самочувствии, сколько делилась новостями. Оказалось, наш фильм «Алька и Три мушкетера» отправили в Москву, для участия во Всесоюзном фестивале любительских фильмов. Правда, пока только для предварительного отбора, но если его примут к показу, появится возможность съездить в столицу.

Вечером заскочила Илга. Она уже знала, что меня утром выписывают и пришла просто потому, что обещала. Мы с

ней поболтали о том, о сем. Илга рассказывала о Пелагее Ивановне, восхищаясь ею. Странно, но мне было почему-то приятно. Вероятно, часть души Шурика все еще оставалась во мне, несмотря на удар по башке в темном проулке. Когда последняя посетительница ушла, я с удовольствием завалился спать. Мне хотелось поскорее оказаться в завтрашнем утре, потому что надоело торчать в больнице.

Утром я еле дождался обхода, и когда заотделением благосклонно кивнул на предложение Олега Борисовича меня выписать, я чуть было не подпрыгнул от радости. Едва обход покинул мою палату, я кинулся на сестринский пост, звонить Пелагее Ивановне. Она сказала, что скоро приедет. Я получил выписку, оделся и сел в коридоре ждать. Здесь меня и застала Наташа, которая, по окончании врачебного обхода, сменила Веру и заступила на сутки. Соблазнительная сестричка остановилась напротив меня.

- Покидаете нас, Саша? – осведомилась она.
- Да, выписали вот...
- Телефончик мой не потеряли?
- Нет! – я хлопнул себя по нагрудному карману.
- Ну надеюсь, что имя мое не забудете тоже.

Наташа повернулась и, переступая ладными ножками, двинулась вдоль по коридору. А навстречу ей показалась мама Санька. Мне пора. Пелагея Ивановна поцеловала меня в щеку, и мы с ней покинули больничный корпус. Такси довезло нас до дому. Я первым делом принял душ, а потом мать

Шурика меня накормила. Чувствовал я себе вроде неплохо, но решил пока не выходить из дому. Нужно было убедиться, что ударенная голова в решительный момент не подведет.

Впервые с моего попадания в тело Александра Сергеевича, я мог никуда не спешить. Уйма свободного времени породила проблему, чем его заполнить. Я включил телек, но посреди рабочего дня показывали только настроечную таблицу. Просто крутить магнитофон было как-то глупо. И я решил что-нибудь почитать. Благо, у Илги было кое-что из художественной литературы. Правда, все серьезное – ни детективов, ни фантастики. Пришлось взять второй том собрания сочинений Чарльза Диккенса с первой частью романа «Посмертные записки Пиквикского клуба».

Откровенно говоря, никогда не любил читать. В школе книжки вызывали отторжение уже одним своим видом, потому что напоминали о пыльных классах, нудных нотациях учителей и двойках в дневнике. То ли дело – кино! В военном училище полюбить чтение мешало понимание необходимости зубрежки, написанного в учебниках по тактике и в уставах. На службе тоже было не до книг, а уж потом, когда я, очертя голову, кинулся в водоворот полубандитского бизнеса – тем более.

И уже здесь, в 1980-м, я успевал читать книжки только по педагогике и карате. То есть, как ни крути, а книжку, развлечения ради, сегодня я взял впервые за энное количество лет. И мне понравилось. Оказалось, что это чертовски ин-

интересно на время выпасть из повседневности, погрузиться в совершенно незнакомый прежде мир. В предыдущей жизни мне приходилось бывать на Британских островах. В удачные дни я мог позволить себе слетать на матч между «Манчестер Юнайтед» и «Челси», попить стаута в пабе и вернуться к ночи в Москву, но значит ли это, что я знаю Англию, как страну? Да нет, конечно. И вот теперь книга, написанная больше ста лет назад, втянула меня в неспешное течение событий, так что даже жалко было отрываться от книжки, когда Пелагея Ивановна позвала меня обедать.

– Ты как всегда – с книжкой, – сказала она то ли с упреком, то ли с похвалой, когда я появился на кухне с толстым томом под мышкой.

Из этих слов я сделал вывод, что мой предшественник, в отличие от меня, читать как раз любил. Может потому мне так легко зашел Диккенс? Как бы то ни было, спасибо английскому классику, что он подвернулся мне под руку как раз, когда у меня гостит мама Шурика. Не хотелось, чтобы она заподозрила неладное, хотя до правды ни ей, ни кому другому в этом мире все равно не добраться. Не случись это со мною, я бы и сам, ни в жизнь, не поверил, что после смерти душа не исчезает, подобно электрическому току в выключенной лампочке, а переносится в другое тело, к тому же – обитающему в прошлом.

– Как твоя голова? – спросила Пелагея Ивановна, ставя передо мною полную тарелку борща. – Не болит? Не кру-

жится?

Этот вопрос она мне уже задавала, но я все равно ответил на него.

– Да нет, все в порядке, мама.

– Это хорошо, – проговорила та. – Я еще вчера поговорила с твоим лечащим врачом. Он сказал, что тебе надо будет хотя бы недельку избегать серьезных физических нагрузок.

Вот те раз! А я собрался завтра, самое позднее – послезавтра морды бить!

* * *

Несколько дней на больничном, и я почувствовал себя в норме. Даже немного потренировался на школьном стадионе, прислушиваясь к ощущениям. Голова не болит и не кружится. Ссадина на затылке затянулась и при ощупывании болью не отзывалась. Теперь можно поболтать с друзьями С-славика. Дома я сказал, что хочу сходить прогуляться, подышать свежим воздухом. А сам, едва оказавшись на улице, поймал такси и назвал шефу адрес... Эх... Жаль кастета нет. Можно было заранее заморочиться и вылить его из аккумулятора свинца, используя вместо формы ямку в земле. Хотя ладно, обойдемся, ведь за сие холодное оружие сейчас уголовка предусмотрена... Легкий адреналин придал бодрости. Я чуял дичь, как охотничий пес. Хищную дичь. И через пятнадцать минут был уже на месте грядущих событий...

Глава 4

Дом десять был неподалеку от памятного восемнадцатого, куда Илга ходит заниматься с Кирюшей, но выглядел куда более ветхим. По сути – барак, из тех, что строили после войны пленные немцы. Надо думать, скоро всю эту улицу пустят под бульдозер, а жителей расселят, чего, я думаю, они ждут с нетерпением. Но многие такие строения и до двухтысячных доживут, ничего нет более постоянного, чем – временное.

Выйдя из машины, я оказался во дворе, как две капли воды похожем на тот, где я высматривал светящиеся окна, чтобы определить – за которым из них скрывается моя сожительница.

На этот раз окна меня не интересовали. Я не собирался делать поквартирный обход, я хотел дождаться, покуда напавшие на меня отморозки появятся под открытым небом. Желательно, чтобы не все скопом, ибо кроме мер чисто воспитательного характера, я намеревался учинить допрос всем этим Фомкам, Сараям и Борзым. Картинка нападения на меня в моей голове еще не полностью сложилась. Были вопросы, на которые ответа пока не было, а я очень хотел их получить.

Меня не слишком смущало то, что я не знаю, как эта троица выглядит. Не думаю, что таких, как они, в этом доме слишком много. И скорее всего, трое поциков, уже отсидев-

ших по малолетке, чувствуют себя здешними королями, а значит, и держатся наособицу. Так что – узнаю. Я притулился на детской площадке, прислонившись к столбику покосившегося грибка, и принялся ждать. Видимо, детишек в этом бараке было совсем мало, либо родители уже загнали их домой, но на площадке я некоторое время оставался в полном одиночестве. Лишь жирный дворовый кот терся о мою ногу спиной, мурлыкал и выгибался подковой.

Примерно через полчаса ожидания хлопнула дверь одного из подъездов и на улице показалась сутулая фигура, явно мужского вида. Во всяком случае, когда она – фигура – пересекла свет, падающий из окна первого этажа, я увидел кепарик, куртешку и даже белый цилиндрик сигарки во рту. Похлопав себя по карманам и, видимо, не обнаружив спичек, незнакомец направился ко мне. Я спокойно ждал, когда он приблизится. В сумерках трудно было разглядеть его лицо, но мне показалось, что мужик не слишком-то молод.

– Слушай, парень, закурить не найдется? – спросил он хриплым голосом.

Примерно такой же вопрос мне задали, прежде, чем треснуть по башке.

– Не курю, – буркнул я, взглянув в собеседника и прикидывая, куда лучше вдарить.

– Хреново...

Да мужику было явно за сорок, очевидно, не мой клиент. Жаль...

– А выпить хочешь? – спросил я.

– А что, есть? – оживился тот.

– Есть, – ответил я.

Это было правдой. В кармане у меня лежала чекушка, купленная заранее.

– Ну дык... давай...

Я вынул из кармана бутылку и протянул ему. Тот схватил ее, скрутил пробку, сделал изрядный глоток, занюхал рукавом и вернул мне. Я взял, но пить не спешил. Мне нужно было получить информацию.

– Тебя как зовут? – спросил я.

– Костяном.

– А меня – Шуриком.

Мы поручкались.

– Ты из этого дома? – спросил я Костяна.

– Ну дык... – выдохнул тот, не сводя глаз с бутылочки, к которой я так и не приложился.

– Фомку, Борзого, Сарая – знаешь?

– А то! – хмыкнул Костян. – От них, придурков, всему дому покою нету... У мелкоты мелочь отбирают... Белье с веревок тырят... Кошек мучают...

– Мне это по барабану! – отмахнулся я. – С этим пусть ваш участковый разбирается... Ты мне лучше скажи, дома они сейчас или шляются где?..

– Да у Клавки-шалавы они щас, – сказал он. – В третьей как всегда квартире гудят...

– А можешь ты кого-нибудь из них позвать? – спросил я. – И чекушка твоя.

Костян заколебался. Видно было, что ему хочется допить остаток водки, но боится ввязываться невесть во что. Моих намерений он не знал, но чуял, что они отнюдь не мирные. А ну как ему потом эти отморозки рыло начистят за соучастие?

– Ладно, – отмахнулся я. – Покажешь мне, где эта третья квартира и свободен!

Он радостно кивнул. Я поднялся и Костян повел меня к одному из подъездов. Третья квартира оказалась на первом этаже. Дверь была приоткрыта. Из щели валил табачный дым, слышалась музыка и пьяные голоса. Я отдал Костяну бутылку. Хотя этот шалман мог бы и сам найти. Мой проводник спешно слинял, а я рывком распахнул дверь. Мне повезло. Прямо в прихожке я наткнулся на парня, которому лет семнадцать, не больше, хотя рожа уже испитая. Увидев меня, он остолбенел.

– Мля... – только и успел выдавить.

Я схватил его за шкурку и выдернул на лестничную площадку.

– Тихо, шкет, – прошипел я. – Пасть раскроешь, жевать станет нечем...

Для острастки я его тряхнул так, что зубы у него лязгнули.

– Погоняло? – спросил я.

– Сара-рай...

– Слушай сюда, Свинарник, – продолжал я. – Сейчас ты

мне все выложишь, а потом кликнешь сюда Фомку или Борзого... Выбирай сам...

– Я чё... я ничё... – забубнил он. – Мужик... не убивай!..

– Кто вас на меня навел?

– Да ссыкун один, С-славик...

– Что сказал?

– Что мужика одного надо отметить, шоб к его девке не клеился... Бухла посулил, закуси...

– Дальше?

– Мы стали пасти его... Ну тебя, в смысле... Ну и там у стадиона и тормознули...

– Кто меня ударил? Ты?

– Н-не... Не я...

– Фомка?.. Борзой?

– Н-не... – замотал головой тот. – Мы тебя и пальцем не тронули...

– Тогда кто же?

– Не-не знаю... Он сзади подвалил... Хрясь тебя по чайнику, ты с копыт... Ну нам стремно стало, мы и сдриснули...

– Как он выглядел?.. Ну тот, кто меня ударил?..

– Здоровый такой лось... Я ж говорю, стремно нам стало... Три квартала без передыху драпали...

– Ладно, смотри у меня... Зови следующего... И ни гугу, а то я весь ваш шалман разнесу!

Сарай угрюмо кивнул и нырнул в квартиру. При этом дверь, поганец, попытался захлопнуть, но не на того напал. Я

перехватил створку и рванул на себя. Тот не успел отпустить ручку и, видать, приложился башкой. В квартире слышали шум в прихожке, и события пошли не по первоначальному сценарию. Когда я открыл дверь, передо мною возникло еще три рожи. Одна, хоть и опухшая от синяков, отдаленно напоминала женское лицо. Два других рыла явно принадлежали друзьям Сарая, который сидел на корточках у стены и держался за голову.

Как педагогу с трехмесячным стажем, имеющему дело с трудными подростками, мне все было ясно. Получив от С-славика гонорар, дружки решили устроить оргию, пригласив для совершения оной местную шалашовку. Мое появление в их планы не входило. И пока третий пребывал в ступоре от столкновения с дверным косяком, двое других выскочили на шум, дабы разъяснить недоразумение. Я встретил их не менее радушно. Сшиб с ног самого накаченного. Здорового амбала, моего ровесника. Опрокидываясь, тот подмял под себя Клавку. Та издала малосексуальный визг, под аккомпанемент которого я свалил и третьего, тоже лет двадцати-двадцати трех.

– Ну что, засранцы! – заорал я. – Слушай меня! Кто первый скажет правду, тот пойдет дальше бормотуху жрать и эту красотку валять... Остальные – на выход!

– Ну ты чё, мужик, – захныкал Сарай. – Я ж тебе все, как на духу...

– Вот сучонок, – пробурчал самый здоровый, поднимаясь

с полу и отпихивая от себя придавленную и от того разомлевшую Клавку. – Заложил, дятел...

– Ну чё сразу «заложил», – захныкал тот. – Это же не мент, Борзый, а учитель...

– Учитель, мля...

– Это был неверный ответ... Вернее – уже два неверных ответа, – строго прокомментировал я. – Остается третий...

Третий как раз пришел в себя и простонал:

– Этот – не мент, а тот точно мент... Я его знаю, он из второго отделения... Мутузил меня, когда я мощик у ффраера угнал...

– Как зовут мента? – тут же уточнил я.

– Гришин, – ответил тот. – Мишка... Он, кабан, подковы разгибает...

– Итак, значит, сотрудник второго отделения милиции Михаил Гришин, – перевел я на русский литературный. – А – звание?

– Младший сержант.

– Так, – удовлетворенно проговорил я. – Победитель викторины, совершеннолетний хулиган, по кличке Фомка, получает в качестве приза романтический вечер в обществе прелестной девицы Клавдии... Остальные, как я сказал – на выход!..

– Эта чё ты за меня решаешь?! – вдруг взъерепенилась прелестная девица с опухшей рожей. – Мне, можа, в три дудки дудеть приятнее... Распоряжается тут, на чужой жилпло-

щади...

– Уступаю даме! – отмахнулся я. – Вы только, пацаны, потом не забудьте свои дудки в кожновенерологическом диспансере показать...

– Ты чё брешешь! – взъерилась шалава. – Чистая я!

Рассмеявшись, я покинул шалман. Не скажу, что я чувствовал себя победителем. Двое, конечно, уже неисправимы. А вот третий... Да такие у меня в десятых классах учатся. А этих, видать до восьмого еле-еле дотянули. Да и то – наверняка, уже в колонии. Мне бы с этим Гришей Мишиным... Тьфу ты! Мишей Гришиным потолковать... Как это так, товарищи?! Младший сержант нашей советской милиции бьет гражданина по голове, не предъявляя никаких законных претензий... За такое самоуправство и на цугундер можно угодить...

В идеале потолковать бы с самим Киреевым, но тот, сука, погонями прикроется. Я понимал, что ступаю здесь на зыбкую почву самодеятельности, граничащей с криминалом. Собственно – уже ступил. Однако, что мне прикажете делать, если какой-то рогатый козлина объявил мне вендетту? Причем, удары наносит исподтишка, как баба!.. Ну допустим, расскажу я все старшему лейтенанту Свиридову, но где доказательства того, что меня преследует сотрудник ОБХСС?.. Откровения С-славика? Смешно...

Не, придется и дальше действовать на свой страх и риск. Во всяком случае, кое-какие факты я надыбал. Не знаю, го-

дятся ли они для уголовного дела, а вот для меня – вполне. Следующий шаг – выяснить истинные мотивы моего противника. Банальная ли это попытка отомстить за наставленные рога или только ширма для прикрытия чего-то более серьезного?.. Поговорить что ли с химичкой?.. Вряд ли Екатерина Семеновна подзабыла наши с ней краткие, но горячие... м-м... встречи в неожиданных местах.

Прощупать ее в эмоциональном смысле... Как там у нее теперь с мужем?.. Полный ажур или... напряженно?.. Не думаю, что Сильва делится с женошкой не только служебными, но и внеслужебными тайнами, но женщины народ чуткий, они всегда знают, когда мужики что-то от них скрывают и вообще – финтят... Так что от разговора с химичкой, наверняка, будет польза. Вот завтра же и займусь... Важно, если не предугадать, то хотя бы предотвратить следующий ход врага...

Какие ходы он уже сделал? Втянуть меня в мутное дело с кубками?.. Очевидно – попытка провалилась. Подловить на несовпадении почерка?.. Скорее всего – тоже не выгорела... Да и не могла... Нельзя найти доказательств тому, что на самом деле я не Александр Сергеевич Данилов... И тогда рогоносец решил разыграть хитрую комбинацию с нападением на меня хулиганов... А какую цель он этим преследовал?.. Вряд ли хотел – убить... Скорее всего, на какое-то время вывести из строя, потому и подослал этого Мишаню, который, видать, дока в таких делах...

Была в этой истории с хулиганами какая-то заноза, которая мешала до конца понять ее смысл... И покуда я возвращался в Приречный район, где меня ждали две женщины, мне хотелось эту занозу вынуть... Давай по порядку... К студенту техникума Мирославу Владиславовичу Гроздину, приблизительно восемнадцати лет, подходит на улице некто... Предъявляет корочки в нераскрытом виде, но не представляется, как положено... И предлагает помочь органам в задержании трех хулиганов, уже имеющих судимость...

Стоп! А почему именно – к С-славику, а не к кому-нибудь другому?.. Чем тот отличается от других обитателей дома номер десять по Заречной улице?.. Глупостью? Наивностью? Доверчивостью?.. Нет, не этим... Вернее, и этим – тоже, но главная причина иная... И зовут эту причину – Серафимой Терентьевной Егоровой... Мне стало даже жарко от этой догадки, но торопиться с выводами не стоило... Именно Симочка воодушевила своего хахаля на эту дурацкую авантюру...

Да полноте! Какой, на хрен, хахаль? Насколько я знаю бывшую старшую пионервожатую, ее всегда тянет к мужикам постарше, пусть и не намного, вроде меня... Более того – мужик должен быть физически крепким и способным на поступки... С-славик, с этой точки зрения не выдерживает никакой критики... С чего бы вдруг Симочка изменила своим вкусам?.. Далее, где она живет, я знаю, где студент Гроздин – тоже... Они точно не соседи... К тому же – он учится

в техникуме, а она – нет... Выходит, встретиться они могли только случайно... Или – не случайно!

Картинка складывалась весьма стройная. Рогоносец Сильва каким-то образом вышел на обиженную на меня девицу, которую я считал когда-то своей невестой... Выйти на нее было вовсе не трудно, ведь супруга капитана могла ему рассказать о бывшей старшей пионервожатой... И вот встретились два одиночества и решили мне отомстить... А почему бы и нет?.. Ну или, скорее, Киреев решил использовать обиду своей сообщницы против меня... Ладно, все это детали!.. Главное, что нападение на меня не обошлось без Симочки, а, значит, она связана с моим главным противником.

Другой вопрос, что я с этим своим знанием буду делать?.. Ну поговорю с Екатериной Семеновной, может что и выясню... Если муженек решил ей отомстить тем же самым, то есть, изменив с Симочкой, химичка должна это почувствовать... А может, ей прямо сказать об этом?.. А что? Он же пытался поссорить меня с Илгой, пусть получает ответку... Мелочно, не по-мужски?.. А по затылку меня лупить чужими руками по-мужски?.. Имея такого противника, играть в благородство не просто глупо – самоубийственно!

До дома я добрался благополучно. Никто на меня ни сзади, ни спереди не напал. Женщины встретили как родного, накормили, напоили, разговорами отвлеченными развлекли. С утра я пошел в поликлинику, закрывать больничный, а потом – в школу. Коллеги в учительской встретили сочувствен-

ными вопросами и новостями из школьной жизни. Уловив взгляд Екатерины Семеновны, я ей подмигнул, чем вверг в недоуменное смущение.

Прозвенел звонок, я взял журнал своего восьмого «Г», по которому, как ни странно, соскучился, и очень надеюсь, что они по мне тоже. Встретили пацаны меня нормально. Ура не орали, вопросов лишних не задавали, но занимались отлично. Глядя на них, я невольно сравнивал своих недавних оболтусов со всеми этими С-славиками, Фомками, Сараями и Борзыми. Сразу видно, не было у тех придурков нормальных учителей. У меня вон даже «Чапаев» стал вести себя по-человечески. Не говоря уже об остальных...

Нет, я не настолько самовлюблен, чтобы считать это преобразование исключительно своей заслугой. И Карл Фридрихович и Виктор Сергеевич и даже – Петр Николаевич – все воспрянули. Перестали отбывать повинность. Да и Григорий Емельяныч, как только с Серафимой Терентьевной разбежался, тоже почувствовал себя не просто школьным военруком, а офицером, примером для пацанов, будущих защитников Родины. Кстати, это он меня подменял пока я был на больничном.

Так что с меня бутылка. И вообще, надо бы собраться с коллегами, посидеть, потрепаться за жизнь. А пока мне надо потрепаться с химичкой. Я посмотрел расписание и увидел, что и у меня и у нее во время третьего урока «окно». И решил этим воспользоваться. Едва прозвенел звонок, и школь-

ные коридоры опустели, я вошел в дверь кабинета химии и биологии. В самом учебном классе Екатерины Семеновны не было, и я решил заглянуть в ту комнатенку, где хранились препараты. И угадал. Химичка была тут. Сидела спиной к двери, за столом, положив голову на скрещенные руки. Плечи ее беззвучно вздрагивали.

– Екатерина Семеновна, – проговорил я. – Да что это с вами?

Глава 5

– А, это вы, Саша... – пробормотала химичка, поднимая голову и вытирая слезы. – Я не слышала, как вы вошли... – Да ладно тебе! – буркнул я. – Мы же одни... Чего нам тут политесы разводить... Ты лучше скажи, кто тебя обидел?.. Я этому козлу враз морду сворочу! Она улыбнулась. Слезы высохли. – Этому – не своротишь... – Что, неужели он так силен? – сделал я вид, будто не понимаю, о ком речь. – Да что ты! – отмахнулась Екатерина Семеновна. – Если бы не погоны, этот сморчок вообще ничего бы из себя не представлял... – Погоны? – удивился я. – Неужели ты о своем Сильве?.. Он кажется у тебя капитан чего-то там... – Милиции, – уточнила она. – В ОБЭХазСЭС служит, ловит разных жуликов, которые обманывают государство... – Тогда почему же он козел? – продолжая разыгрывать из себя неосведомленного лопуха, спросил я. – Девку себе нашел, сволочь... – преподавательница химии употребила иное слово, не принятое в педагогической среде. – Комсомолочку... – А ты его разве любишь? – Этого подонка? – изумилась химичка. – Да меня тошнит от его постной рожи... – Что же ты тогда плачешь? – Да за что мне такая судьба? – в отчаянии проговорила она. – Почему я должна терпеть рядом с собой этого козлина?! – Так разведись! – Не даст он мне развода... – вздохнула Екатерина Семеновна. – Это может запятнать его репутацию,

как сотрудника правоохранительных органов... Ему могут отсрочить присвоение очередного звания. – М-да, положение... – вполне искренне посочувствовал я. – Слушай, а ты же можешь ему испортить карьеру... Насколько я понимаю, аморалка похлеще развода будет... – Думала я об этом, – призналась химичка. – Но ведь у меня только подозрения, а не факты... – А подозрения откуда? – Да видела я их... – Где?... – В парке... – принялась рассказывать она. – Идут, шерочка с машерочкой... Он ей что-то вкручивает, а она заливается... А мне слова доброго не скажет, только бурчит... – Ну парк к делу не пришьешь... – вздохнул я. – Их бы в койке застукать, да еще и сфотографировать... – Сфотографировать? – удивилась химичка. – Мы же не на Западе... Это у них там частные сыщики за неверными мужьями с фотоаппаратами следят... – У них там все ради денег делается, – подыграл я. – А у тебя цель иная, ты хочешь прощелыгу и карьериста на чистую воду вывести... Как он может выявлять расхитителей социалистической собственности, если сам не прозрачен, как кристалл?..Екатерина Семеновна посмотрела на меня с надеждой и безнадежно покачала головой. – Одна я с этим не справлюсь... – Я помогу. – Правда? – Правда... – не покрывив душой, ответил я. – Ты только скажи, как ее зовут, разлучницу?... – Ой, да ты ее знаешь! – усмехнулась химичка. – Эта Симочка, бывшая старшая пионервожатая наша... Она ведь и тебе глазки строила... Ты из-за нее даже с военруком цапался... – Было дело... – не стал отрицать

я. — Так значит, она теперь твоему глазки строит... — Я бы ей их повыщарапала... — без всякой логической связи с предыдущими своими словами произнесла она. — Только вряд ли их удастся застукать в койке, — продолжал я. — Эта целочка и твоего к себе не подпустит... Зачем ей женатый мужик?... Она выискивает холостого... Я проверял решимость Екатерины Семеновны на прочность. — Достаточно будет зафиксировать хотя бы попытку соращения, — сказала моя почти уже сообщница. — Ну вот, теперь ты мыслишь конструктивно, — похвалил ее я. — Как мы организуем слежку? — Я позволю тебе, если он куда-то соберется вечером... — А если он соберется куда-нибудь в течение рабочего дня? — Да, это может быть, — проговорила химичка. — Что же делать? — Не проще ли установить слежку за Симочкой? — Наверное, но кто из нас это будет делать? Мы же оба работаем! — Вот если бы можно было следить за передвижениями интересующих нас субъектов, не бродя за ними по пятам... — пробормотал я. Екатерина Семеновна посмотрела на меня вытаращенными глазами и прошептала: — Есть такой способ! Покинул я кабинет химии и биологии даже более удовлетворенным, нежели прежде. Разговор с химичкой оказался куда плодотворнее, нежели я рассчитывал. Отныне я был не один. Конечно, я не рассказал своей бывшей любовнице о том, что ее муженек на меня зуб точит и козни строит. Пусть думает, что я действую из бескорыстного желания ей помочь. Ведь и меня она готова использовать для того, чтобы то ли наказать своего

муженька, то ли избавиться от него. Это хорошо, когда интересы партнеров, ну или – сообщников, совпадают в целом, разнясь лишь в некоторых деталях. Способ слежки, предложенный Екатериной Семеновной, был не оригинален, но гениален, хотя и отдавал киношным трюком. Какая разница! Главное, что он позволял уточнить маршруты передвижения ее мужа-рогоносца, не рискуя попасться ему на глаза. Можно ли желать большего?.. Само собой, его шашни с этой вертихвосткой Егоровой меня совершенно не интересовали. Другое дело, если мне удастся понять, что против меня задумал Киреев? Ради этого я готов поиграть в частного детектива. Эта идея меня так вдохновила, что не терпелось уже приступить к ее осуществлению. Хотя никто не отменял исполнения моих прежних обязанностей. Я честно отработал первый после больничного рабочий день. Вечером у меня еще была секция, так что расслабляться не приходилось. После уроков я отправился домой, где меня ждала мама. Не моя, но какая разница! К своей я ни пойти, ни поехать не мог. И если учесть, что часть души Шурика – судя по приступам жалости и чуткости к людям, мне совершенно не свойственным – все еще жила во мне, я смело мог называть Пелагею Ивановну матерью. Что ни говори, а матери – это единственные женщины на свете, которые никогда не предадут. Лопая ужин, я рассказывал ей о школьных делах, разумеется, за исключением разговора с химичкой. А вообще от Пелагеи Ивановны оказалось гораздо труднее скрывать свое душевное состоя-

ние. Признаться, я так до конца и не был уверен, что она не почувствовала в своем сыне нечто чужеродное. Иногда я ловил на себе ее задумчивый взгляд. Так смотрят люди, которым очень хочется что-то спросить, но в последний момент они останавливаются в нерешительности. Сердце матери не обманешь, потому что бескорыстная любовь дает ей особую силу. Иногда я пытался представить себе разговор с Пелагеей Ивановной, во время которого она бы прямо спросила меня, кто я такой, а я бы ей честно все рассказал. Поверила бы она? Не исключено. Подняла бы шум, требуя вернуть ей сына?.. Не знаю... Вообще – поверить в такое, с ума можно сойти. А как жить, зная, что твоего сына уже нет и в то же время вот он, живёхонек?! Нет, добровольно я ей точно ничего не скажу. Я не убийца. К счастью, мама вскоре должна уехать. Ее отпуск заканчивается. Поймал себя на мысли, что буду скучать, но зато вздохну свободнее. Илга снова была на дополнительных занятиях, так что мы с Пелагеей Ивановной мирно поужинали вдвоем. Я немного повалился на диване с книжкой – пристрастился блин – и отправился на вечерние занятия. На этот раз я сделал крюк по освещенным и, по вечернему, оживленным улицам. Не потому что боялся, просто не хотел давать врагу лишнего повода. Помимо всех этих игрищ в частного детектива, меня весьма интересовала личность старшего сержанта Гришина. Как бы на него выйти?.. Впрочем, второе отделение – это то самое, где я выписывался из общаги и прописывался в квартире. Там

же служит старшина Сидоров, а так же старший лейтенант Красавина. А что, если поговорить с ними насчет нехорошего, прямо, скажем поведения их товарища по службе? Не выдавая всей известной мне информации? Пусть прищучат гада по закону... А то ведь, если я начну с ним толковать по-мужски, мне, чего доброго, припаяют нападение на сотрудника милиции! То-то капитан Киреев обрадуется!.. Короче, надо обдумать эту идею. Занятия в школьной секции шли своим чередом. Пацаны все больше меня радовали. Надежда на то, что мы достойно выступим на городской спартакиаде, укреплялась во мне. Особенно меня порадовал Вадик Красильников. Оказалось, что пока я бездельничал на больничном, он провел два занятия без меня. О чем мне и доложил. Мне даже стало жалко, что он не в моем классе. Хотя какая разница? Он – в моей команде! И не только – в спортивной. Без него наше кино либо не получилось бы, либо получилось хуже. Если у меня будет когда-нибудь сын, пусть он будет таким. После занятий я даже решил проводить его. Просто для того, чтобы поговорить. До сегодняшнего дня мне это не приходило в голову. Мы вышли из школы и, не торопясь, двинулись к его дому. Подмораживало, с черного неба сыпался снежок. Хрустел под каблуками ледок в замерзших лужах. Сначала мы поболтали о самбо, о карате, потом переключились на кино. Выяснилось, что Вадик, в лице Толика Кривцова обрел единомышленника – оба интересовались серьезным кинематографом, как отечественным,

так и мировым. А потом мой собеседник решил поделиться со мною жизненными планами. — Я хочу во ВГИК поступать, — признался он. — Как вы думаете, примут? — Если у тебя это серьезно, то почему бы и нет, — откликнулся я. Сейчас Вадику семнадцать, в этом году он окончит школу и может рискнуть. Правда, ему еще в армию идти, но если в ВУЗ поступит, получит отсрочку. Примерно, в году восемьдесят пятом окончит, еще успеет до развала СССР сыграть несколько ролей в перестроечном кино. Это хорошо, что он самбо занимается. Боевики как раз станут самым востребованным жанром в отечественном кинематографе. Во всяком случае — без работы не останется. Мне даже уже стало казаться, что я слышал что-то о киноактере Вадиме Красильникове. — Я знаю, там большой конкурс, — проговорил парень, — но ведь рискнуть стоит. Верно? — Стоит, — сказал я. — Советую сразу подать документы не только во ВГИК, но и в несколько театральных училищ. Абитуриенты так делают, я знаю... — А как же я подам документы сразу в несколько ВУЗов? — Для первичного прослушивания, по-моему, достаточно просто заявления, — сказал я. — Не пройдешь в один, пройдешь — в другой. — А если пройду сразу в два? — Тогда выберешь тот, который тебе больше нравится. — Спасибо за совет! — сказал Красильников. — Мне бы и в голову не пришло, так поступить. — Спорт тоже не бросай, — продолжал я раздавать советы. — Хочешь, я с тобой каратэ позанимаюсь? — Хочу! — обрадовался Вадик. — А с английским у тебя как? — Ну, у

нас же немецкому учат, – проговорил парень, – но я зубрю самостоятельно... – Отлично! Тогда я тебе дам книжку на английском по каратэ. И в языке попрактикуешься, и стойки с ударами выучишь. – Здорово! Спасибо! – Тогда завтра и принесу. На этом мы и попрощались. На следующий день не произошло ничего из ряда вон выходящего, чему я был только рад. Приключения хороши, когда они редки, а когда идут подряд, то быстро перестаешь понимать, зачем вообще живешь на свете? Не затем ли, чтобы шишки сыпались на твою голову с такой скоростью, что не успеваешь от них отбиваться?.. Кстати, о шишках... Моя-то зажила, но это не значит, что ее появление можно простить старшему сержанту Гришину. Однако жаловаться на него старшине и инспектору по делам несовершеннолетних было бы странно. Тем более, что они все равно отправят меня... к следователю Свиридову и будут правы. Так что, надо либо идти к оному, либо что-то придумать самостоятельно. Если капитан уговорил своего младшего по званию сослуживца напасть на прохожего, значит, они с ним находятся в о-очень интересных отношениях. Прямо скажем – во внеуставных. Что отсюда вытекает?.. Отсюда вытекает предположение, что деятельность сотрудника ОБХСС отнюдь не ограничивается рамками не только служебных обязанностей, но и закона. Может, ну ее на фиг, эту детективную самодеятельность? Не спокойнее ли сообщить все известные мне факты в инспекцию по личному составу и умыть руки? Это были весьма разумные мысли, но что-то

мешало мне вот так сразу отправиться в УВД Приречного района и заявить и на Гришина и на Киреева, а заодно – и на С-славика с Симочкой. Попади все эти персонажи под пристальное внимание товарищей в погонах, и песенка их будет спета!.. Стоп-стоп-стоп... Допустим, Свиридов выпотрошит бывшую старшую пионервожатую и ее приятеля студента и те дадут показания против двух оборотней в погонах, что дальше? Дальше двумя ментами займется инспекция по личному составу... А если выяснится, что охламоны оговорили сотрудников нашей славной милиции и рогоносец Сильва не будет обезврежен?.. Тогда он примется за меня с удвоенной энергией. И мне точно крышка!.. Нет, основываясь только на показания ссыкуна Гроздина и трех дворовых хулиганов, можно сильно промахнуться. И чтобы этого не произошло, я должен собрать на Киреева такой компромат, что тот уже не отвертится. В субботу мама уезжала, и я поехал ее провожать на речной вокзал. Она купила билет до Перми – ведь Проныра впадала в Волгу, куда в свою очередь впадала и Кама. В этом уральском городе Пелагея Ивановна собиралась посетить школьную подругу. До вокзала мы доехали на такси. Я вытащил из багажника мамин чемодан, и мы пошли на пристань, где был пришвартован речной теплоход «Владимир Маяковский». До отправления было еще около получаса, и мы могли нормально попрощаться. – Погостевала у тебя, сынок, спасибо, – сказала Пелагея Ивановна. – Хорошо у вас, хотя и обстановка в квартире простенькая... Ну ничего,

обживетесь еще... Девушка твоя, Илга, ничего, уважительная... Только редко дома бывает... Даст бог, поженитесь... Еще внуков мне нарожаете... Больше не от кого мне ждать внуков-то! Произнеся это, мама так пристально посмотрела мне в глаза, что я едва не отшатнулся. Она словно разглядела во мне... меня!.. Неужели Пелагея Ивановна все поняла или просто материнское сердце подсказало ей, что с ее сыном приключилась беда?.. Как бы то ни было, она вдруг отняла у меня чемодан и, не оглядываясь, зашагала к трапу. Молодой матросик помог ей подняться на борт теплохода и, взяв все тот же чемодан, повел вдоль надстройки на средней палубе, видимо, для того, чтобы проводить до каюты. В смешанных чувствах я отправился восвояси. У меня сегодня были занятия секции в «Литейщике». Родителям из местной элиты быстро надоело наблюдать за неуклюжими движениями своих отпрысков, и они все чаще отправляли их с персональным шоферами и няньками. А то и просто привозили их в начале занятий и забирали в конце. Такое доверие со стороны «лучших людей города» можно было только приветствовать. Оставшись без родительского пригляда, мои мелкие подопечные стали заниматься заметно лучше. Не перед кем стало выпендриваться. Не появлялась больше и любительница сладкого. Ну это понятно, миссию свою она выполнила. Скорее всего – эта пожирательница монпансье вообще не имела отношения ни к одному из моих воспитанников и с самого начала была подослана своим дружкой, Киреевым.

Впрочем, выполнила она его задание настолько топорно, что провалила его в зародыше. Зря этот рогоносец делает ставку на баб в своих попытках со мною по квитаться. Сладкоежка подпортила ему провокацию, и бывшая старшая пионервожатая подпортит, хоть к бабке не ходи. Да уже подпортила! Вот только неужели весь этот сыр-бор из-за личной неприязни Киреева, из-за того, что я ему рога наставил? Что-то тут не сходится, как-то мелко, что ли... М-да... Интрига, блин, закручивается всё сильнее и сильнее. Ладно, разберемся... Хорошо смеется тот, у кого зубы здоровые. По окончании занятий я отправился прошвырнуться по магазинам. Надо было купить разную бытовую мелочь. К тому же вчера в учительской говорили, что в местный ЦУМ завезли электрические чайники. Мне хотелось купить этот немудрящий прибор – надоело греть воду на газе. Я и в самом деле обнаружил в свободной продаже пузатое никелированное чудо советской техники. Довольный приобретением, я двинулся к отделу музыкальной аппаратуры. Хотел присмотреть еще проигрыватель, как вдруг меня окликнули:— Гражданин, можно вас на минуточку?

Глава 6

Я оглянулся. Какой-то милиционер. Незнакомый. Судя по погонам – старший сержант. Не Мишаня ли?

– Слушаю вас? – вежливенько так произношу я.

– Старший сержант Гришин, – откозырял он.

Был бы он не был в форме, ей богу, врезал бы от души. Нельзя.

– Отойдем в сторонку, – предложил мент, ибо звание «милиционер» ему точно не подходит.

– Я что-то нарушил? – с издевкой в голосе спросил я.

– Нет, – покачал головой Гришин. – Мне нужно кое-что вам сообщить.

– Любопытно будет узнать, – пробурчал я.

Мы отошли в закуток между лестничным пролетом и большим стеклянным окном. Меня и в самом деле разбирало любопытство узнать, что он мне скажет? Начнет угрожать или извиняться? Я как-то не принял во внимание, что допросы, учиненные мною С-славiku и трем его друзьям вряд ли останутся тайной для Киреева. Ведь Симочка ему наверняка доложила о своем посещении меня в больничке и о том, что я потребовал от нее прислать мне своего воздыхателя. Что ж, так даже лучше. Пусть этот рогоносец знает, что я не собираюсь терпеть его подлости.

– Хотел принести вам свои извинения, гражданин Дани-

лов, – сказал старший сержант. – Я был введен в заблуждение.

– Когда родная милиция извиняется, не удобно сказать – нет, – продолжал я в том же тоне. – А кем вы были введены в заблуждение и с какой целью?

– Это служебная тайна, – откликнулся мент и снова взял под козырек. – Здравия желаю!

И он двинулся вдоль прилавков, что-то или кого-то высматривая. Я глядел ему вслед и думал о том, что ведь кто-то же перенес меня от стадиона во двор. Причем – явно на руках, а не волоком. Одежда-то, когда мне ее выдали при выписке, была относительно чистой. И так как хулиганы свалили, то сделать это мог только такой здоровяк, как Мишаня. Только куда он меня тащил и почему в этом дворе бросил? Загадка! Ну да ладно, как ни крути, а благодаря ему меня быстро обнаружила гражданка Балан и вызвала скорую.

С нею, кстати, тоже нужно поговорить – с гражданкой Балан, а не со скорой – поблагодарить, то, сё... Может, какая ниточка появится... И все-таки, почему Гришин стал извиняться? Совесть замучила?.. Тогда почему он не написал рапорт своему начальству?.. Понятно, почему ему этого не хочется делать, ведь признание в подобных поступках чревато, как минимум – служебным расследованием, а значит – отстранением от службы. А он ничего, в форме разгуливает. Получается, что дело не в совести.

Вероятнее всего, Мишаня остается верным псом Кире-

ева, а через его «извинения» капитан дал мне понять, что ему известно о моих попытках выяснить причину нападения на мою персону. Что ж, игра становится все интереснее. По всему видно, что вовсе не месть за поруганную мужскую честь движет капитаном ОБХСС, здесь причины посерьезнее и ставки – тоже. И если я совершу промашку, не сносить мне головы. Так что следует быть максимально осторожным.

Проигрывателя я так и не купил, вернулся домой с электрочайником. Мелочь, а приятно. Я давно смирился с отсутствием самых разнообразных гаджетов, заметно облегчавших жизнь в XXI веке, но вот все же мне их не хватало. Даже этот чайник, который не умел автоматически отключаться, поэтому на нем нельзя было поставить греть воду и забыть, все же был крохотным шагом к более комфортному существованию. В доме не хватало не только проигрывателя, но и пылесоса со стиралкой. Все это можно было купить, чуть поднакопив денег.

Раздался телефонный звонок, я взял трубку:

– Алё!

– Это Карл! – слышалось в телефонном наушнике.

– А-а, привет!

– Привет!

– Ты как, свободен вечером?

– Да.

– Тогда приходи ко мне. Будем обсуждать творческие планы.

– Приду! – пообещал я. – Что-нибудь захватить?

– Если в смысле спиртного, то у нас сегодня сухой закон, а если что к чаю купишь, не обидимся.

– Тогда – иду.

Я понял, что за всеми этими больнично-детективными делами и впрямь соскучился по нашим творческим посиделкам. Поэтому мешкать не стал. Оделся и побежал. Заскочил по пути в кулинарию, купил коробку пирожных «Картошка». В подъезде я поздоровался с фрау Миних, которая меня уже узнавала. Позвонил в квартиру Рунге. Мне открыла Эмма Францевна, которую, вслед за супругом, все друзья семейства называли Гретхен. Едва я пересек порог, как услышал гвалт, который доносился из гостиной.

– Здравствуйте, Саша! – сказала хозяйка.

– Здравствуйте, Гретхен! – откликнулся я, протягивая ей коробку с пирожными.

– Спасибо! Проходите, там вас уже заждались, – сказала она.

Разувшись и сняв куртку, я пошел на шум. В чопорной, набитой антикварной мебелью и раритетными книгами, гостиной дым стоял коромыслом. Хорошо хоть – в переносном смысле. Кроме хозяина здесь находилась вся инициативная группа – брат и сестра Красильниковы, Абрикосов и Кривцов. Великолепный старинный стол завален исчерканными бумажками. Спор был в самом разгаре и на меня даже не сразу обратили внимание. Первым заметила мое присут-

ствие Женя, улыбнулась и поманила рукой – дескать, незаметно присоединяйся.

– Ну, что вы тут задумали? – спросил я.

– Второй фильм обсуждаем, – сказал Карл.

– И какие есть идеи?

– Да вот Алька говорит, что герой должен собрать отряд пионеров, которые проникнут через дупло в прошлое и устроят там революцию, – сказал Толик Кривцов. – А я считаю, что тамошние мальчишки и девчонки должны сами все устроить...

– Говоря иначе, – вмешался хозяин квартиры, – товарищ Абрикосов предлагает экспорт революции, а товарищ Кривцов уповает на внутренние силы.

– Ну как они сами сделают революцию! – кинулся в бой Алька. – Их же там воспитали в покорности богу и королю!

– Ага, а те, кто приходят из другой страны, чтобы свергнуть местную власть и установить свои порядки, как называются? – ехидно поинтересовался Толик.

– Какую власть?... – переспросил его оппонент. – Советскую что ли?... Нет! Власть короля и кардинала! А они – угнетатели народа!

– Вообще-то идея экспорта революции осуждена партией, – сказал Рунге. – Наша страна помогает освободительным движениям в разных странах мира, но не навязывает свою политическую систему. И это правильно, потому что народ сам должен решать свою судьбу.

На это Абрикосов не нашел, что возразить. Он только насупился и сжал кулаки. Стало понятно, что лично он готов хоть сейчас сбросить короля с трона. И я решил примирить спорщиков. Меня осенила идея.

– Слушайте, коллеги, – сказал я. – А зачем нам вообще снимать продолжение?.. Продолжение хорошего фильма всегда хуже...

Присутствующие озадаченно на меня уставились.

– Ну мы думали, что у нас есть костюмы, декорации, реквизит... – задумчиво проговорила худрук драмкружка Дома Пионеров. – Для совершенно нового фильма придется создавать новые...

– А если их использовать снова, но для другой истории!

– Для какой? – спросил Алька ревниво.

– Кто-нибудь читал «Трудно быть богом» Стругацких?

– Я читал! – откликнулся Вадик Красильников.

Остальные промолчали.

– Тогда вкратце расскажу, о чем там речь, – сказал я. – Действие происходит на другой планете, где царит что-то похожее на земное средневековье... Там тоже есть король и кто-то похожий на кардинала... Наука запрещена, книжки жгут, ученых и писателей убивают... И вот с нашей планеты туда отправляют наблюдателя, который не должен ни во что вмешиваться, но не вмешиваться он не может...

Сюжет этой книжки я помнил смутно, ибо читал ее примерно в Алькином возрасте, то есть – не исключено, что чи-

таю ее прямо сейчас, в военном городке под Кушкой. Однако по глазам пацанят я увидел, что идея им нравится. Они начали переглядываться и пихать друг друга локтями.

– А что, – веско произнес Вадик. – Перенесем действие из Средневековья в семнадцатый век, а все остальное оставим то же самое.

– А у тебя эта книжка есть? – тут же спросил Абрикосов.

– Есть, – ответил Красильников.

– Дашь почитать?

– Конечно! А то как вы, с Толиком сценарий писать будете...

– Ура! – заорали оба сценариста.

– Ну вот и отлично! – подытожил результаты обсуждения Рунге. – Думаю, что наши сценаристы прочитают книгу, предложат свои идеи по сюжету будущего фильма, и мы снова соберемся. А пока – прошу к столу.

– Мальчики – мыть руки! –скомандовала Женя.

Команда касалась всех, но в первую очередь в ванную были отправлены представители младшего поколения. Взрослые задержались.

– Нам, наконец, утвердили создание детской киностудии, – поделился новостью Карл. – Официально мы будем числиться при Доме Пионеров, и наш руководитель – Евгения Ивановна.

Красильникова кивнула.

– Так что теперь мы ее подчиненные, – продолжал хозяин

квартиры.

– В связи с этим, товарищи, – сказала Женя, – нам нужно будет провести официальное совещание в Доме Пионеров.

– Назначайте время, товарищ начальник, придем, – откликнулся я.

– В понедельник, в восемнадцать ноль-ноль.

– Будем обязательно.

– Буду ждать. А теперь – мыть руки!

Потом был обычный ужин у семейства Рунге, поражающий своей щедростью и кулинарным совершенством. Я, как человек имеющий возможность сравнивать, не мог не отметить отличия в том, как дружили люди в советское время и как будут дружить после. В СССР дружили с людьми, близкими по духу, а в постсоветской действительности – только с теми, от кого может быть польза. Советские люди охотно пускали друзей в свой внутренний семейный мирок, а в новейшей истории – старательно ограждали его от посторонних, включая друзей. Я немного утрирую, но не сильно.

Разошлись мы уже совсем вечером. Я проводил пацанов, зная по собственному опыту, что вечерами улицы могут быть небезопасны. Зима вступала в свои права. По ночам было морозно, да и снежок сыпал всюду. Зимняя шапка и ботинки у меня были, а вот куртка – на рыбьем меху. Парень я, конечно, спортивный, но о чем-то потеплее подумать не мешало бы. Надо напомнить Илге, она умеет подыскать в магазинах что-нибудь подходящее. Вот завтра воскресенье,

пусть бы и искала.

Оказалось, что напоминать не нужно. Когда я вошел домой, Илга встретила меня известием, что приобрела для меня отличную дубленку. Та и впрямь оказалась мне впору. Надев ее, я сразу почувствовал себя модным советским парнем, образца 1980 года. Что ж, не расцеловать женщину, ее купившую, я не мог. И даже не спросил, где она достала столь дефицитную шмотку? В конце концов, у каждого могут быть свои маленькие тайны. Тем более, что одна из моих тайн мне тут же и позвонила.

– Добрый вечер! – сказала химичка. – У меня все готово. Завтра можно начать.

– Привет! – откликнулся я. – Когда и где начинаем?

– В девять, возле магазина «Тысяча мелочей», Энгельса четырнадцать.

– Буду! – коротко ответил я.

– До завтра! – сказала она и положила трубку.

Я еще с минуту стоял, держа ту-тукающую трубку в руке, а потом положил ее на рычажки. Детективная лихорадка охватила меня с новой силой. Я даже рано лег спать, чтобы поскорее наступило завтра. Утром, наскоро перекусив, я надел новенькую дубленку и покинул квартиру. Илге, куда направляюсь, я не сказал. Да она и не спрашивала. У нее были хлопоты по домашнему хозяйству – стирка, уборка и так далее – и я скорее послужил бы исполнению этих планов помехой.

Похоже, что снег падал всю ночь, потому что город преобразился. Таким Литейск я еще не видел. До улицы Энгельса пришлось добираться на общественном транспорте, который буксовал на заметенных улицах, и я стал опасаться, что опоздаю. Так в общем и произошло. Было уже десять минут десятого, когда я выскочил из троллейбуса у магазина «Тысяча мелочей». Почти сразу я увидел Екатерину Семеновну, которая топталась на свежевыпавшем снежку в импортных бежевых сапожках, белой шубке и шапке, и в темных очках. Странно, раньше я за химичкой не замечал склонности к модным прикидам или это она на работе старалась выглядеть серой мышью? Ладно, какое мне дело?

– Опаздываешь! – буркнула она.

– Извини, – отозвался я. – Куда идем?

– Едем, – последовал ответ. – Садись!

И Екатерина Семеновна кивнула на синюю «трешку», ВАЗ 2103, двигатель которой тихо взрыкивал, выбрасывая в воздух струйку выхлопных газов. Химичка отворила водительскую дверцу, а я поспешил занять пассажирское место. Когда мы оказались в салоне, сообщница протянула мне массивный приборчик, в серебристо-сером корпусе под названием «ПИОНЕР» и с датой выпуска 1962 год. Я сразу почувствовал себя персонажем детективного фильма, уж очень по-киношному выглядело начало наших сегодняшних приключений.

– Что это? – спросил я, имея в виду приборчик.

– Индикатор радиоактивности, – ответила она.

– И он реально работает?

– Увидишь.

Екатерина Семеновна переключила передачу, и «Жигули» тронулись с места. Мы немного побуксовали в снегу у края тротуара и медленно покатали вдоль улицы.

– Включай! – сказала химичка.

Я нажал на белую кнопку на боковине приборчика, послышались редкие щелчки и глазок индикатора чуть-чуть осветился. Я вопросительно уставился на сообщницу.

– Это всего лишь фоновое излучение, – пояснила она.

Мы двинулись дальше. Вдруг щелчки стали чаще, а лампочка индикатора – ярче.

– Есть след! – азартно выкрикнула Екатерина Семеновна.

Управляемый ею автомобильчик по-прежнему двигался медленно. С учетом того, что город был засыпан снегом и редкий воскресный транспорт еле полз, наше черепашьё передвижение не могло показаться странным. Радиоактивный след вел нас по довольно причудливому маршруту, словно помеченный изотопами объект предвидел слежку и потому петлял по широким и узким улочкам. Впрочем, он вполне мог останавливаться и даже выходить из машины. «Пионер» был слишком примитивным прибором, чтобы благодаря ему можно было определить – стоял ли меченый автомобиль на одном месте какое-то время или двигался непрерывно?

Как бы то ни было, мы с химичкой петляли около часа, по-

ка, наконец, след не повел нас прямо. Маршрут, по которому мы сейчас двигались, был мне знаком. По нему я ездил на выходных к спортивному комплексу «Литейщик». Сегодня, кстати, мне тоже предстояло вести в нем занятия в секции для девочек. И я даже не удивился, когда щелчки и вспышки лампочки привели нас именно к стадиону этого спортобщества. «Пионер» явно указывал на то, что преследуемый нами автомобиль въехал в ворота административного корпуса. Я по собственному почину выключил индикатор и сказал сообщнице:

– К дому Симочки твой муж не подъезжал, хотя она могла сесть к нему в машину где-нибудь по дороге, если ему за чем-то понадобилось везти ее сюда, в «Литейщик».

– Как ты думаешь, что ему здесь могло понадобиться? – спросила она.

– Вот уже не знаю, – пожал я плечами. – Но сомнительно, что здесь у него любовные шашни.

– Выходит, все зря?

– Вовсе нет, – ответил я. – Жаль, что мы не записали названия улиц, которые он перед нами проезжал.

– А я запомнила, – откликнулась Екатерина Семеновна. – Вернусь домой, составлю карту маршрута... Ты со мною?

Я посмотрел на циферблат своей «Славы». Десять пятнадцать.

– Да нет, у меня в одиннадцать занятия в секции.

– Тогда я поеду. А то вдруг Сильва сейчас покажется и

нас увидит.

Это было бы подарком.

— Конечно — поезжай, — сказал я. — Завтра в школе увидимся.

Я отдал ей приборчик и вылез из салона «Жигулей». Я понимал, что моя сообщница разочарована результатом нашей слежки. Она, видимо, надеялась, что благоверный встретится с разлучницей и закатится с ней в ресторан или — еще лучше — в дом отдыха, а след привел нас к спорткомплексу. Конечно, не исключено, что они здесь играют, скажем, в теннис, но для меня это значения не имело. Мне гораздо интереснее знать, для чего Киреев опять наведлся в «Литейщик»? По мою ли душу или у него здесь еще какие-то дела? И приезжал ли капитан в прошлый раз, чтобы выдвинуть мне дурацкое обвинение в поборах или меня он повидал, так сказать, попутно? Хорошо бы найти любительницу монпансье и вытряхнуть из нее правду!

Глава 7

Я вошел в административное здание. Здесь было по-воскресному тихо. Я мог бы сразу направиться в тренерскую, но мне хотелось понять, что капитан ОБХСС делает в спортбоществе? И я решил пройтись по этажу, где размещался кабинет председателя «Литейщика». В крайнем случае, скажу, что ищу Ниночку, секретаршу товарища Дольского и мою помощницу. В полной тишине, которая царила в здании, меня могли выдать шаги, поэтому я старался ступать мягко, крадучись. И почти сразу же расслышал голоса. Раздавались они из приемной. Я подкрался к двери. Прислушался.

– Что он тут у вас за одну зарплату горбатится? – бубнил, судя по голосу, Киреев. – Если не в открытую берет, то как-нибудь втихаря... Ты проследи, собери факты, потом мне доложишь.

– Хорошо, Сильвестр Индустриевич, – бормотала Ниночка.

– Я подошлю одного человечка, – продолжал тот. – Будешь ему... Вернее – ей, передавать собранные данные, а она тебе – мои указания.

Послышались всхлипывания.

– Нечего тут реветь, – бурчал следак. – Как гражданка своей страны ты обязана помогать органам.

Мне хотелось рвануть дверь и войти, чтобы посмотреть

как капитан начнет корчиться, делая вид, что ничего особенного не происходит, но мне важнее было сохранить в тайне свое знание. Поэтому я на цыпочках вернулся в начало коридора и снова направился к приемной, нарочито громко бухая каблуками. Через минуту дверь ее отворилась, и Киреев вышел в коридор. Увидев меня, он окаменел лицом, потом взял себя в руки и проследовал навстречу, как ни в чем не бывало. Я тоже не стал с ним расшаркиваться. Сейчас меня больше интересовала секретарша председателя. Из потенциального соглядатая ее следовало превратить в сообщницу. Поэтому я прошел мимо капитана и, не оглядываясь на него, вошел в приемную.

– Привет! – сказал я Ниночке.

– Здравствуй! – буркнула она, спешно припудривая личико.

– Что тут делал этот тип? – поинтересовался я.

– Ты о капитане Кирееве?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.